

**ЧИКАГО – 1886,
НОВОЧЕРКАССК – 1962,
ЛУГАНСК – 1998**

**Драматические страницы истории
рабочего движения**

**Киев
«Стилос»
2002**

A 03 - 02775

ББК 66.2(4УКР)
Ч 60

*Издание осуществлено при содействии представительства
Фонда Фридриха Эберта в Украине*

Чикаго – 1886, Новочеркасск – 1962, Луганск – 1998. Дра-
матические страницы истории рабочего движения. – К.:
Стилос, 2002. – 64 с.

ISBN 966-7321-48-7

Издание посвящено драматическим страницам истории рабо-
чего движения. События в Чикаго 1886 г., в Новочеркасске 1962 г.
и современное рабочее движение на востоке Украины рассматрива-
ются в их взаимосвязи, как события единого мирового движения
борьбы рабочих за свои права.

Во второй части дается анализ становления и перспектив раз-
вития рабочего и профсоюзного движения, основанный на опыте
борьбы рабочих за свои права в Донбассе в последнее десятилетие.

Материалы, представленные в издании, отражают точку зрения
авторов, которая не всегда является общепризнанной.

ББК 66.2(4УКР)

ISBN 966-7321-48-7

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
ЧИКАГО – 1986	7
М.И.Лаптинский. «Чикагские мученики»	7
НОВОЧЕРКАССК – 1962	14
П.Сигуда. Новочеркасская трагедия	14
Ю.Щекочихин. «Портреты на фоне пейзажа: генерал Матвей Шапошников»	19
А.Тарасов. Уроки Новочеркасска	32
Новочеркасск: судьбы	35
ЛУГАНСК – 1998	36
Л.Заливная. Это не должно повториться	36
День независимости – 98 по-лугански	37
Эхо луганских событий	41
Л.Заливная, Д.Калитвенцев, С.Морозов. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО И ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ	42

ПРЕДИСЛОВИЕ

40-летие расстрела бастующих рабочих в Новочеркасске. Размышления о такой же трагедии 1886 г. в Чикаго и событиях 1998 г. в Луганске привели к решению издать эту книгу, представляющую собой сборник статей, освещающих вышеуказанные события. Здесь также сделана попытка осмыслить современное состояние и перспективы рабочего и профсоюзного движения в Украине.

Таким способом мы хотим воздать должное памяти наших сограждан, погибших в Новочеркасске в 1962 г. Новочеркассск – это рядом с нами. Чикаго – на другом конце планеты. Луганск – в нем мы живем. Но эти три города связаны собой в истории похожими событиями, случившимися в разные эпохи и по-разному, но имеющими нечто общее.

Во-первых, выступления в Чикаго в 1886-м, Новочеркасске в 1962-м, Луганске в 1998-м годах были стихийными.

Во-вторых, требования рабочих были сугубо экономическими, хотя условия, породившие эти требования, определялись внутриполитическим курсом в соответствующих государствах, где власти и работодатели не отключались на насущные нужды трудящихся. В отличие от событий 1905 и 1917 гг. в России или в 1886 г. в Париже, эти выступления рабочих не носили политической подоплеку и были мирными.

В-третьих, везде как пусковой механизм трагедии присутствует провокация, в которой трудно не заподозрить сторону властей.

В-четвертых, властями везде применено неоправданное и противоречащее закону насилие, которое через некоторое время вскрывается.

В-пятых, везде (даже в Луганске) есть жертвы и массово пострадавшие.

В-шестых, все три события стали толчком для активизации рабочего движения и консолидации общественности, для выхода рабочего движения на политический уровень.

В-седьмых, все три события стали той гранью, которая положила предел использованию властями силы. После этого проблемы решались путем диалога или с учетом обратной связи по линии «власть – народ».

В-восьмых, события выявили людей, личностей, которые стали знаковыми не только для своей эпохи, но и в новейшей истории человечества.

Когда вдумываемся в то, что происходило в моменты бойни, когда власть бьет ограбленных ею граждан, то понимаешь, что это было кристаллище, где избитыми и гибнущими рабочими защищалось более цивилизованное будущее.

Хочется надеяться, что мы к началу XXI века стали настолько цивилизованными, что ЭТО уже никогда не повторится.

Л.Заливная, С.Морозов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Начиная с 1989 г. Украина вместе с другими постсоветскими государствами столкнулась с новым для себя явлением – массовым рабочим движением. Забастовки, стачки, демонстрации протеста, организованные шахтерами, рабочими и работниками бюджетных областей, стали повседневными реалиями жизни. Однако не следует думать, что это явление присуще исключительно украинскому народу и отражает лишь эгоистические настроения современного пролетариата.

На самом деле это всего лишь одна из страниц истории всемирного рабочего и профсоюзного движения, истории, которая насчитывает уже более двухсот лет. И сейчас, когда пик этого движения переместился на постсоветское пространство, особенно важно обратить внимание на преемственность современного рабочего движения и уроки мировой истории.

Главным таким уроком является то, что без борьбы рабочих за свои права невозможно был бы современный уровень социальной защищенности и развития производственных отношений в развитых странах. И в этом смысле рабочее и профсоюзное движение выполняют, безусловно, прогрессивную роль. С другой стороны, борьба рабочих за свои права часто выливается в открытое противостояние с работодателями и государственным аппаратом, что иногда приводило и приводит к драматическим событиям вроде тех, которые произошли в Чикаго в 1886, в Новочеркасске в 1962 и в Луганске в 1998 гг. События эти служат уроком, как для рабочих, так и для противостоящих им властей. Власти должны понять, что без серьезного диалога с представителями рабочего движения и без учета их требований невозможно построение стабильного и процветающего общества, что попытки силового разрешения трудовых конфликтов ни к чему кроме дестабилизации и трагедиям привести не могу. А рабочие должны понять, что борьба за свои права предполагает не только мужество во время открытых столкновений, но и серьезную профсоюзную работу, и построение таких независимых профсоюзных организаций, которые выражали бы интересы рабочих и стали серьезной силой, с которой вынуждены будут считаться.

В этой связи особый интерес представляет анализ становления и перспектив дальнейшего развития рабочего и профсоюзного движения в Украине в целом и в одном из самых активных рабочих регионов страны – на Луганщине. Тринадцать лет истории независимого рабочего и профсоюзного движения в этом регионе показывают, что борьба рабочих за свои права не только может быть результативной, но и имеет перспективу, несмотря на все трудности, которые еще предстоит преодолеть на пути к реальному и необратимому улучшению условий труда и жизни украинских рабочих.

*Василий Андрейко,
Фонд Фридриха Эберта,
Региональное Бюро в Украине,
Беларуси и Молдове*

ЧИКАГО – 1886

*М.И.Лаптинский,
ж. «Новая и новейшая история», 1986. № 3
(с сокращениями и под редакцией С.И.Морозова)*

«ЧИКАГСКИЕ МУЧЕНИКИ»

Первое мая уходит своими корнями в историю американского рабочего движения и связано с событиями, происшедшими в Чикаго 1–4 мая 1886 года. В память о чикагских революционерах, казненных за свою преданность делу рабочего класса, этот день стал отмечаться как день международной солидарности трудящихся всех стран, всего прогрессивного человечества.

Парижский конгресс II Интернационала, состоявшийся в июле 1889 г., принял резолюцию:

«В установленную дату будет проведена большая международная манифестация с тем, чтобы во всех странах и всех городах одновременно трудящиеся представили властям требование о законном сокращении продолжительности рабочего дня до 8 часов и претворении в жизнь других решений Международного парижского конгресса.

Учитывая, что Американская федерация труда на своем конгрессе в Сент-Луисе в декабре 1889 г. уже приняла решение о проведении подобной манифестации 1 мая 1890 г., эта дата утверждается.

Трудящиеся различных стран должны провести эту манифестацию в соответствии со специфическими особенностями своей страны».

Дата 1 мая отражает прежде всего майские события в США 1886 г. Это был год активной борьбы пролетариата за 8-часовой рабочий день. Под нажимом рядовых рабочих руководство многих профсоюзов объявило 1 мая днем всеобщей забастовки. В одном из главных индустриальных центров страны, Чикаго, выступление рабочих состоялось не только 1 мая, но продолжались и в последующие дни. На 4 мая был назначен массовый митинг.

... В тот день было пасмурно, по небу ходили тучи, собирался дождь. С озера дул резкий холодный ветер. Местом митинга они выбрали просторную Хеймаркет-сквер (Сенную площадь). Это был район, где располагались бойни и лесные склады. Мэр Чикаго

Картер Х.Гаррисон после некоторого колебания все же дал разрешение на массовый митинг, и в половине восьмого вечера к Хаймеркету стали стекаться толпы людей. За час собралось более трех тысяч человек – мужчины, женщины, дети.

На расстоянии полуквартала от Хаймеркета располагался полицейский участок, где наготове был большой отряд полиции. Гаррисон присутствовал на митинге с момента его открытия и слушал речи ораторов. Впоследствии в своих показаниях мэр признавал, что митинг проходил в спокойной, мирной обстановке.

Около 10 часов вечера начался проливной дождь. Люди стали расходиться, но последний оратор еще продолжал свое выступление перед несколькими сотнями оставшихся слушателей. Покинул митинг и мэр Чикаго. Он зашел в полицейский участок и сообщил, что все обошлось благополучно. Однако через несколько минут полицейский инспектор Бойлс с отрядом в 180 человек отправился на Хаймеркет для разгона митинга. Выполняя его приказ, капитан Уорд скомандовал поредевшей толпе: «Разойдитесь!». К тому времени количество собравшихся на площади едва ли превышало число полицейских. «Капитан, – изумленно воскликнул Самюэль Филден, последний оратор, – у нас же мирный митинг».

На какое-то мгновение наступила тишина. И вдруг раздался страшный взрыв, вспыхнуло яркое пламя. Кто-то бросил бомбу в отряд полиции. Впоследствии выяснилось, что бомба убила одного полицейского напав, пятеро других получили смертельные ранения и вскоре скончались.

Все пришло в смятение. «Бомба! Бросили бомбу!» – слышалось со всех сторон. Люди бежали, раздвигали стоны, крики ужаса. Озверевшие полицейские около двух минут вели непрерывный огонь по безоружным людям, потом принялись в бешенстве избивать их дубинами. Девятилетний мальчик лежал весь в крови, раненая женщина, превозмогая боль, продолжала бежать. Со всех сторон слышались крики: «О Боже! Спаси нас!». Статистика точно подсчитала количество убитых полицейских, однако осталось неизвестным, сколько погибло лиц, присутствовавших на митинге. Не менее 200 человек были ранены.

На следующий день началась широкая и яростная кампания облав и арестов в Чикаго, а затем – по всей стране. В первую очередь были выданы ордера на арест популярных в Чикаго деятелей рабочего движения Альберта Парсонса, Августа Шписа, Самюэля Филдена, Михеля Шваба, Адольфа Фишера, Георга Ангеля, Луи Линга и Оскара Неебе. Все они были преданы суду и обвинены в убий-

стве: не в том, что бросали бомбу (в момент взрыва никого из них, кроме Филдена и Шписа, на площади не было), а в том, что неизвестный бомбометатель действовал по их наущению, под влиянием их агитации... Эти восемь человек вошли в историю американского рабочего движения под именем «чикагских мучеников».

БОРЬБА ЗА 8-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

1886-й год был для американского рабочего движения особым. Историки называют его «революционным годом», «временем великих перемен». Пожалуй, никогда прежде борьба американского рабочего класса не достигала такой силы и размаха, как в середине 80-х годов. Именно в этот период рабочие Соединенных Штатов впервые выступили как класс, осознавший свои особые интересы.

«Мы живем в революционную эпоху, – писал популярный рабочий-публицист Джон Суинтон. – В современном человеке накопилась огромная энергия. Жизненные силы действуют в наш век с исключительной активностью. Кажется, земной шар стал теперь вертеться быстрее, чем раньше».

Это яркое высказывание современника описываемых событий может служить как бы эпиграфом к истории бурного десятилетия американского рабочего движения. Главной целью ожесточенных классовых сражений в эти годы была борьба за 8-часовой рабочий день. Она явилась кульминацией длительных и сложных процессов формирования промышленного пролетариата и разрозненных выступлений американских рабочих в предыдущие десятилетия.

Движение за сокращение рабочего дня само по себе не было новым.

Требование это стало особенно настойчивым после гражданской войны 1861–1865 гг. В 1868 г. конгресс принял первый в американской истории федеральный закон о 8-часовом рабочем дне – для рабочих и служащих правительственных учреждений. Однако закон строго не соблюдался и имел значение лишь в качестве юридического прецедента. По словам прогрессивного американского историка С.Иелна, «требование восьмичасового рабочего дня оказалось слишком революционным, чтобы его можно было осуществить без серьезной борьбы со стороны мощной рабочей организации».

ЧИКАГО, 80-Е ГОДЫ

Одним из главных центров американского рабочего движения был Чикаго. Страшась рабочих волнений, правящие круги города

усилили местную полицию и к 1886 г. она уже стяжала себе печальную славу свирепыми расправами. Полицейские отряды Чикаго с давних времен использовались как частные вооруженные силы, находившиеся на службе предпринимателей.

По мере приближения 1 мая 1886 г., на которое было намечено выступление пролетариата всей страны, руководители рабочих Чикаго все активнее включались в организационную работу.

Выступление трудящихся США носили массовый характер. 1 мая во всеобщей забастовке участвовали 350 тыс. рабочих крупнейших промышленных городов страны – Чикаго, Нью-Йорка, Бостона, Милуоки, Питтсбурга, Цинциннати, Детройта, Сент-Луиса, Филадельфии и др. Мощные выступления трудящихся заставили предпринимателей пойти на уступки. 185 тыс. рабочих страны добились введения 8-часового рабочего дня; кроме того, некоторые предприниматели вынуждены были пойти на сокращение рабочего дня с 12 и 14 до 9 и 10 часов.

Однако рабочие не остановились на достигнутом 1 мая. Их выступления, хотя и не столько массовые, продолжались и на следующий день. 3 мая в Чикаго мирные демонстрации рабочих были сорваны провокацией. Напуганные мощью и солидарностью рабочих, продемонстрированных во время первомайских выступлений, власти Чикаго мобилизовали большой отряд полиции, под прикрытием которого к заводу Маккормика были доставлены несколько сотен штрейкбрехеров. В результате спровоцированного хозяевами столкновения рабочих со штрейкбрехерами полицейские убили шесть человек, многие были ранены.

Кульминацией событий стал массовый митинг протеста, состоявшийся 4 мая, во время которого и была брошена бомба. Трагедия этого дня имела далеко идущие последствия.

КТО БРОСИЛ БОМБУ? ВЕРСИИ

До сих пор неизвестно, кто все-таки бросил бомбу во время митинга на Хеймаркет-сквер. Существуют только версии. Среди рабочих Чикаго «широко распространено убеждение, что бомбу бросил агент полиции».

В исторической литературе, посвященной событиям на Хеймаркете, нередко высказывается предположение, что непосредственным бомбометателем был анархист Рудольф Шнаубельт, который, по-видимому, сотрудничал с полицией. Высказывалось мнение, что бомба могла быть актом личной мести со стороны родственников одной из жертв полицейских зверств, совершенных накануне. Тем не менее,

преступление на Хеймаркете было приписано восьмерым чикагским революционером.

СУДЕБНАЯ РАСПРАВА

Процесс начался 21 июня 1886 г. в уголовном суде графства Кук штата Иллинойс под председательством Джозефа Гери и продолжался 49 дней. Разбирательство проходило в накаленной обстановке сенсационных «находок» и нелепых слухов, распространявшихся в городе с целью еще больше уstrasшить и так порядком напуганное население. Окончательно утвержденная коллегия присяжных состояла в основном из мастеров и управляющих крупных предприятий. Один из них заявил еще до разбора дела: «Всех этих негодяев надо повесить!». Присяжные, не стесняясь, говорили, что каковы бы ни были показания на суде, обвиняемых ждет веревка.

Что касается главных свидетелей обвинения, то их, как было впоследствии доказано (прокуратура и полиция даже не отрицали этого), просто напросто подкупили.

Либеральный деятель демократической партии, губернатор штата Иллинойс 90-х годов Дж.Алтгелд впоследствии писал о свидетелях на процессе:

«Значительная часть свидетельских показаний, представленных на суде, была чистой водой вымыслом. В избытке усердия некоторые видные полицейские чины не только терроризировали невежественных людей, сажая их в тюрьмы и угрожая пытками, если они откажутся дать под присягой желаемые показания, но даже сулили деньги и работу тем, кто согласится на это. Кроме того, они плели фиктивные заговоры, чтобы потом прославиться их сенсационным разоблачением».

Судебное разбирательство ясно показало, что всех восьмерых судят за идеи, которые они отстаивали. То, что происходило в зале суда, скорее напоминало фарс, нежели судебный процесс.

20 августа присяжные вынесли обвинительный приговор. Семеро подсудимых: А.Парсон, А.Шпис, С.Филден, М.Шваб, А.Фишер, Г.Энгель, Л.Линг – были приговорены к повешению, восьмой – О.Неебе – к 15 годам тюремного заключения. В ожидании своей печальной участи, томясь в тюрьме, осужденные писали автобиографические записки, которые появились в печати еще до приведения приговора в исполнение.

Разными дорогами шли эти люди к Хаймеркету, несхожий путь лежал у каждого из них за плечами. Многие отличало их друг от

друга: происхождение, возраст, уровень образования и знакомства с идеями социализма, вклад в рабочее и социалистическое движение, даже неодинаковое знание Соединенных Штатов (некоторые из них всего несколько лет прожили в этой стране).

Общим было у них Дело. Они пришли к нему различными путями, но борьбе за интересы рабочего класса они отдали свои жизни, и это объединяет, роднит их. В этом общность их судеб, их биографий.

Каждый из них был прежде всего Личностью, Личностью незаурядной. Среди «восьмерки» не было случайных людей – власти хорошо знали, за кем идут чикагские рабочие.

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ОСУЖДЕННЫХ

Защита подала ходатайство о проведение нового судебного разбирательства по делу «чикагской восьмерки», но судья Гери отклонил его. Осужденные были вызваны для последнего слова. Их речи, продолжавшиеся три дня, достойны занять видное место в классическом наследии мировой пролетарской литературы. Они характеризуют «чикагских мучеников» как бесстрашных, мужественных, уверенных в правоте своего дела людей. Осужденные говорили страстно, темпераментно, убежденно.

Многие видные общественные и политические деятели США выступили с просьбой о смягчении приговора. Рабочие многих стран устраивали митинги протеста против жестокого приговора.

Борьба в защиту жизней осужденных оказалась небезрезультатной. За день до казни губернатор заменил Филдену и Швабу, подавших прошение о помиловании, смертный приговор пожизненным заключением. В тот же день самый юный из «восьмерки» Линг покинул с собой (существует версия, что он был убит в тюремной камере).

Парсонс категорически отказался подать прошение о помиловании, хотя защита умоляла его об этом. Просьба о помиловании в его сознании была равносильна признанию своей вины. Трое других приговоренных к смерти также отказались писать такое прошение.

В назначенный день осужденных на казнь облачили в белые балахоны. Их ввели в помещение, которое было уже заполнено официальными лицами и репортерами. Стоя на эшафоте, Парсонс, Шпис, Энгель и Фишер возвышались над головами присутствовавших. Они встретили смерть достойно.

Похороны казненных вылились в массовый митинг. Их провожали 25 тысяч рабочих. Один из защитников осужденных, Ульям Блэк, в речи на похоронах сказал: «Я любил этих людей. Я познакомился с ними в дни их тяжких испытаний и душевных мучений. С течением времени я убедился, что жизнь этих людей, с которыми я часто беседовал, свидетельствует об их любви к народу, об их терпении, благородстве и отваге».

После казни четверых осужденных началась борьба за амнистирование оставшихся в живых чикагских революционеров – Филдена, Шваба и Неебе. Она набирала силу. Тысячи петиций направлялись сначала Олгсби, затем сменившему его на посту губернатора штата Дж. Файферу. Но борьба оказалась успешной лишь после того, как на пост губернатора штата Иллинойс в 1893 г. был избран либерал Джон Питер Алтгелд, человек честный, неподкупный и мужественный.

Досконально изучив дело «чикагской восьмерки», Алтгелд 26 июня 1893 г. обнародовал свое сенсационное послание об амнистии. В нем было открыто заявлено, что вина подсудимых в совершенных ими преступлениях не была доказана и что они стали жертвами подставных присяжных и предвзято относившегося к ним суда. Послание Алтгелда фактически обвиняло правящие круги в убийстве невинных.

В памяти рабочих казненные революционеры остались мучениками, отдавшими жизнь за рабочее дело, и памятник, поставленный им на Уолдгеймском кладбище Чикаго, где они захоронены, стал святыней, куда ежегодно приходят тысячи людей.

НОВОЧЕРКАССК – 1962

*П. Сигуда,
участник событий, в последующем –
исследователь событий 1962 г. в Новочеркасске.*

НОВОЧЕРКАССКАЯ ТРАГЕДИЯ

Петр Петрович Сигуда родился в 1937 г. В 1938 г. умер в тюрьме от пыток его отец, член социал-демократического революционного движения с 1902 г. С 1943 по 1950 (пока мать отбывала срок в лагере) воспитывался в детском доме. Закончил горнопромышленную школу, работал в шахте, на стройке в Казахстане, служил в армии, потом заочно учился в техникуме и работал на Новочеркасском электровозостроительном заводе. В 1962 г. принял участие в забастовке рабочих на заводе. Был осужден к 12 годам лишения свободы «за активное участие в массовых беспорядках». Освобожден досрочно в 1966 г. После освобождения стал заниматься политической деятельностью: писал письма, протесты в «Правду», «Литературную газету». Открыто осудил ввод советских войск в Афганистан. Добился полной реабилитации своего отца. Неоднократно подвергался преследованиям и провокациям со стороны КГБ. Последние годы активно занимался расследованием обстоятельств новочеркасской трагедии. Убит при невыясненных обстоятельствах в 1990 году. За несколько дней до гибели нашел свидетеля, который знал место захоронения расстрелянных при подавлении забастовки новочеркасцев. Материал предоставлен вдовой Петра Петровича Э.Сигудой.

За 26 лет, прошедшие после кровавого подавления забастовки и демонстрации трудящихся в г. Новочеркасске 2 июня 1962 г., мне не приходилось слышать о том, чтобы эти события где-либо когда-либо были описаны. Лишь однажды я прочитал в книге Солженицына 2–3 листа, посвященные этой трагедии. В изложении Солженицына события крайне извращены и этим истине причинен безусловный ущерб.

Поэтому обостряется необходимость предать максимальной гласности всю правду о новочеркасской трагедии. Это необходимо сделать ради памяти всех невинных жертв трагедии.

С 1 января 1961 г. на крупнейшем Новочеркасском электровозостроительном заводе в очередной раз начала проводиться

кампания снижения расценок оплаты труда во всех цехах завода. Расценки снижались до 30–35 процентов. Последним цехом завода, где были снижены расценки в мае месяце, был сталелитейный. К этому времени рабочие других цехов уже как-то попривыкли к очередному ущемлению их интересов. Для рабочих же сталелитейного цеха снижение расценок еще оставалось болезненным. Утром 1-го июня 1962 г. по центральному радиовещанию было объявлено о резком, до 35 процентов, «временном» повышении цен на мясо, молоко, яйца и другие продукты. Это был неожиданный и сильнейший удар по социальному положению всех трудящихся в СССР. Повышение цен не могло не вызвать всеобщего недовольства. Но возникновению забастовки именно на Новочеркасском электровозостроительном заводе способствовал ряд других обстоятельств.

В городе и на заводе практически никак не решалась жилищная проблема. Строительство жилья велось в слишком малых объемах. Плата за квартиру в частном секторе в ту пору составляла от 35 до 50 руб. в месяц, т. е. от 20 до 30 процентов месячной зарплаты рабочего.

Новочеркасск считался в ту пору городом студентов. Соответственно было и его обеспечение продуктами питания. В магазинах практически не было мясных продуктов, масла, а на рынке цены на них были чрезмерно высокими. Очередное повышение государственных цен неизбежно влекло за собой подорожание продуктов питания на рынке.

Но и эти обстоятельства вряд ли повлекли бы за собою забастовку, если бы самонадеянный мерзавец чиновник не бросил в «бочку пороха» народного гнева, недовольства искру оскорбления, барского хамства. Речь идет о директоре электровозостроительного завода, которым в это время был Курочкин.

В то утро по дороге на работу и в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались. В сталелитейном цехе рабочие собирались кучками, обсуждали не только повышение цен на продукты питания, но и недавно проведенные снижения расценок оплаты труда. Цех лихорадило, но никто не помышлял о протестах, о выступлении, о забастовке. Вероятно, о недовольстве рабочих в сталелитейном цехе известно в парткоме завода и директору Курочкину, который пришел в сталелитейный цех с секретарем парткома. Директор и секретарь парткома разговор с рабочими повели не по-деловому, а высокомерно, по-барски. В момент разговора к группе рабочих, окружавших директора и секретаря парткома, подошла женщина с пирожками в руках. Увидев пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес: «Не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пи-

рожки с ливером». Это стало той искрой, которая повлекла за собой трагедию в Новочеркасске.

Рабочие возмутились хамством директора и с возгласами: «Да они еще, сволочи, издеваются над нами!» разделились на группы. Одна из групп пошла к компрессорной завода и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам завода с призывом прекратить работу и объявить забастовку. Необходимо подчеркнуть, что ни на начальном этапе возникновения забастовки, ни на протяжении всех дальнейших событий 1–3 июня, не создавалось и не было никаких групп или органов, которые взяли бы на себя ответственность за организацию и проведение выступлений рабочих. Все события происходили именно стихийно, спонтанно. Инициатива кипела и проявлялась снизу, в массе трудящихся. К событиям не был причастен кто-либо со стороны. К ним абсолютно не были причастны и какие-либо «радиоголоса».

Рабочих завода не было нужды агитировать за забастовку. Достаточно было появления групп рабочих, призывающих к забастовке, как работа моментально останавливалась. Массы забастовщиков росла, как снежная лавина. В ту пору на заводе работало примерно около 14 тысяч человек. Рабочие вышли на территорию завода, заполнили площадь возле заводоуправления. Площадь не вмещала всех бастующих.

Группа рабочих сняла звено штакетника, огораживающего скверик, и перегородила им прилегающий к заводу железнодорожный путь СКЖД, повесив на штакетник красные тряпки. Этим был остановлен пассажирский поезд «Саратов-Ростов» и движение поездов на этом участке. Остановкой железнодорожного движения рабочие стремились сообщить о своей забастовке по линии железной дороги.

По инициативе слесаря завода В.И.Черных его товарищ, цеховой художник В.Д.Коротеев написал плакаты: «Дайте мясо, масло», «Нам нужны квартиры», которые они вынесли из завода и укрепили на одной из опор электрифицируемой в ту пору железной дороги. На тепловозе пассажирского поезда кто-то написал: «Хрущева на мясо». Последний лозунг появился и в других местах.

Дополнительно к заводскому гудку тревожные сигналы стали подавать и с тепловоза. К заводу стали стекаться рабочие второй и третьей смен, жители рабочих поселков. Первые попытки к пресечению забастовки были предприняты силами дружинников из ИТР, которые пытались пропустить пассажирский поезд и этим открыть движение на железной дороге. Но они оказались бессильны, и дружинники были вынуждены ретироваться, сняв свои повязки.

С забастовщиками в переговоры ни партийные органы, ни администрация завода не вступали. По своей инициативе перед рабочими пытался выступить главный инженер завода С.Н.Елкин, который, разумеется, конкретно не говорил о восстановлении расце-нок, никаких обещаний и заверений не давал, а лишь уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе. Возмущенные рабочие затянули его в кузов грузовой машины и пытались требовать от него конкретного решения вопросов. Вопросы ему задавал и я, что после было вменено мне на судилище в обвинение.

Примерно в полдень в массы забастовщиков пронеслось: «Милиция приехала!». Вся людская масса ринулась на полотно железной дороги в направлении к милиции. Я оказался среди первых. Когда бежал на полотно железной дороги, оглянулся по сторонам. Надо было видеть внушительность картины. Метрах на 350–400 на полотно железной дороги выкатилась грозная волна плотной людской массы, а в метрах 200–250 по другую сторону железной дороги в это время выстраивалось в две шеренги более сотни милиционеров. Доставшие их на сиденьях в бронетранспортерах, не в состоянии удержать на своих физиономиях выдержку. Растерянность и страх на их лицах свидетельствовали, что им не под силу пресечь гнев рабочих. Бронетранспортеры уехали.

Возбуждение забастовщиков не только не утихло, но и возросло под воздействием попыток подавить их выступление. Возник стихийный митинг. Трибуной служил козырек пешеходного туннеля. На митинге раздались призывы послать делегатов-рабочих в другие города, на другие предприятия, к захвату в городе почты, телеграфа с целью отправки во все города обращения с призывами о поддержке забастовки электровозостроителей. Тогда же прозвучали первые сообщения, что дороги к городу перекрыты – блокированы милицией и войсками.

Я не намерен был выступать на митинге. Но меня беспокоили призывы о захвате власти в городе. Я хорошо помнил рассказы участников событий в Венгрии и в Грузии. Попытка захвата власти в городе была чревата слишком тяжелыми последствиями. Поэтому я выступил с призывом продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность. Я призывал на следующее утро всем идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям. Призывы к захвату в городе власти, к насилию не прошли. Решено было на следующее утро идти в город демонстрацией. И уже это свидетельствует, что волнения рабочих не сопровождались экстремизмом, насилием по отношению к представителям власти.

Позже и следствие, и судьи не могли обнаружить фактов экстремизма, кроме двух незначительных случаев. Первый случай касается главного инженера завода С.Н.Елкина, когда его силой затащили в кузов машины. Но он не подвергался избиениям. Второй случай связан с коммунистом Брагинским, который от своих же подчиненных получил несколько затрепанных, не повлекших за собой ни травмы, ни нужды обращаться за помощью к медицине.

В пятом часу утра я был разбужен двумя сильными «взрывами». Раздетый, выскочил из временки, где жил с женой. Выяснилось, что «ослепленный» танк сбил две опоры электропередачи высокого напряжения, провода «сконтачили» и электроразряды были теми «взрывами», которые подняли с постели людей. Я отправился к заводу. Метров за 400-500 от железнодорожной линии и заводоуправления начали собираться маленькими кучками по 10-15 человек, жители поселка. Я подошел к группе людей, выдвинувшейся на самое близкое расстояние к железной дороге, примерно 300-350 метров. Все мы наблюдали, что железная дорога вдоль завода, завод оцеплены вооруженными автоматами солдатами. Возле завода и около станции «Локомотивстрой» стояли танки.

Люди сообщили, что в 12-м часу в поселок были введены воинские подразделения, танки. Рассказывали, что ночью жители пытались из подручных материалов устраивать баррикады, которые танки легко преодолевали. Тогда рабочие стали запрыгивать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые щели, ослеплять их.

К нашей группе направился офицер с солдатом, вооруженным автоматом. Группа быстро «растаяла», и в ней осталось 5-7 человек. С подошедшим офицером завязался резкий разговор. Он требовал, чтобы мы шли к заводу. Мы отказывались, говоря, что пусть работает армия, которая захватила завод. В перепалке мы не заметили, как сзади нас оказалось два солдата, вооруженных автоматами. Таким образом, мы оказались арестованными. Нас доставили в заводоуправление. Кругом было полно солдат казавшихся национальностей, офицеров, гражданских, «кагебэшников». Они встретили меня со злорадством. На легковой машине в сопровождении трех человек, кроме шофера, меня быстро доставили в ГОВД, где уже напряженно действовал большой штаб чиновников по подавлению волнений. По дороге в машину сопровождавшие махали передо мною кулаками, угрожали, оскорбляли...

С этого момента мое участие в новочеркасской трагедии закончилось.

«ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ПЕЙЗАЖА: ГЕНЕРАЛ МАТВЕЙ ШАПОШНИКОВ»

Ю.Щекочихин

Представляем статью Ю.Щекочихина о генерале Матвее Шапошникове, Герое Советского Союза, прославившемся в танковых атаках Великой Отечественной и отказавшегося атаковать безоружных бастующих рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода.

В середине декабря 1988 г. он получил письмо, которого ожидал более двадцати лет:

«Матвей Кузьмич!

Ваше обращение о принятии мер к Вашей реабилитации Главной военной прокуратурой рассмотрено и разрешено положительно. Постановление начальника следственного отдела УКГБ СССР по Ростовской области от 6 декабря 1967 года о прекращении против Вас уголовного дела по нерасследованным основаниям отменено, и производство по Вашему делу прекращено за отсутствием в Вашем деле состава преступления... Работниками отдела УКГБ СССР по Ростовской области при расследовании по Вашему делу нарушений законности не допущено, все процессуальные действия проведены в соответствии с требованиями УПК. Совершенные Вами деяния в 60-х годах служили достаточным основанием для обвинения Вас в антисоветской пропаганде. Лишь в условиях перестройки, демократизации всех сторон жизни советского общества стало возможным признать Вас невиновным.

1-й заместитель Главного военного прокурора Л.М.Заика».

Спустя неделю Матвей Кузьмич Шапошников направил письмо Главному военному прокурору Б.С.Попову:

«...Искренне благодарю Ваш аппарат за внимательное отношение и за определенную объективность, проявленные при рассмотрении моего материала, который был передан Вам из Верховного суда СССР. Вместе с тем и в силу необходимости вынужден обратиться к Вам с просьбой разъяснить мне некоторые положения. Так, в указанном документе говорится: «совершенные Вами деяния...» Должен Вам сказать, что этот «литературный прием» настораживает, и вот почему. Дело в том, что эта фраза как бы опровергает все, о чем говорится вначале, где указывается отсутствие в моих действиях состава преступления. И еще: когда я внимательно, очень внимательно вчитывался в те две строчки, где речь идет о моих «деяниях» в

шестидесятых годах, то у меня невольно возникала и такая мысль, что автор (или авторы) указанных документов пытаются в силу каких-то причин взять под защиту тогдашних, шестидесятых годов личностей, по вине которых была совершена в Новочеркасске кровавая акция...» В очередном ответе из Главной военной прокуратуры, полученном Матвеем Кузьмичом в январе 1989 г., уже не говорилось ни о перестройке и демократизации, ни о деяниях, когда-то им совершенных. Его лишь лаконично информировали, что он «полностью реабилитирован» и имеет право ставить перед соответствующими органами вопрос о восстановлении всех своих прав.

Что это за переписка? Что за обвинения были предъявлены человеку в шестидесятых и отменены в конце восьмидесятых? На какую, наконец, «новочеркасскую кровавую акцию» указывает в своем письме адресант Главной военной прокуратуры?

Когда весной 1989 г. мы – я и сборкор «Литгазеты» по Северному Кавказу – начали раскапывать эту историю, о ней в стране знали лишь те, кто непосредственно в ней участвовал, или те, кто был ее свидетелем.

И, конечно, сам Матвей Кузьмич Шапошников. Судьба Героя Советского Союза генерал-лейтенанта танковых войск М.К.Шапошникова – в начале шестидесятых первого заместителя командующего Северо-Кавказским военным округом, а уже в середине шестидесятых – подследственного, в 1967 г. исключенного из КПСС и только в мае 1989-го восстановленного в партии, – связана с одной кровавой страницей советской истории, о которой даже после 1985 г. стидливо умалчивали, относю политические репрессии к сталинскому – и только сталинскому времени.

Что же произошло в Новочеркасске в начале июня 1962 года? Казалось бы, легче всего было бы узнать об этом из газет того времени. Мы добросовестно просмотрели июньские подшивки областной газеты «Молот» и новочеркасской городской «Знамя коммуны». 1 июня 1962 г. на первых страницах обеих газет (как, безусловно, и всех остальных в стране) обращение ЦК к народу в связи с повышением цен на мясо и масло: «Это мера временная. Партия уверена, что советский народ успешно осуществит меры, намеченные мартовским Пленумом ЦК КПСС, в области сельского хозяйства... что даст возможность в недалеком будущем снижать цены на продукцию сельского хозяйства». 2 июня, «Молот»:

«Н.С.Хрущев присутствовал на торжественном открытии Дворца пионеров и школьников в Москве, совершил поездку на автопоезде по территории парка...». 3 июня, «Молот»: «Временное

повышение цен на продукты в городах обернется скоро улучшением снабжения трудящихся и в конце концов приведет к снижению цен...». 5 июня, «Знамя коммуны» трудящиеся Новочеркасска одобряют меры, принятые партией и правительством для быстрого роста производства животноводческой продукции».

Шестого июня, седьмого, восьмого, девятого, десятого... Ничего. Отложив газеты, идем к начальнику Ростовского областного УВД А.Н.Коновалову. Может быть, здесь, в архиве милиции, остался хоть какой-нибудь документ, проливающий свет на трагедию в Новочеркасске?

Справка, отчет, сводка? «Увы, – разводит руками генерал. – Сам интересовался. Ничего не осталось...»

Тогда, может быть, что-то сохранилось в архиве областного КГБ? Хотя бы фотография, пусть одна-единственная? «Ничего нет, – отвечают нам.

– Сами для себя хотели бы посмотреть, но, к сожалению, ничего не нашли...» Наконец, в желтой, потемневшей от времени папке в партерном архиве Ростовского обкома партии находим протокол собрания городского партийного актива, состоявшегося 4 июня 1962 г., с длинным, витиеватым заголовком: «О фактах беспорядков и нарушений нормальной жизни города и задачи партийной организации по мобилизации трудящихся города на успешное выполнение планов коммунистического строительства». Читаем: «... Присутствуют члены Президиума ЦК КПСС тов. Козлов Ф.Р., тов. Микоян А.И., тов. Полянский Д.С., секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Павлов С.П. «Повестка дня. Доклад Козлова. Что он сказал – неизвестно. Текст в папке нет. Дальше: «Вьюненко, секретарь цеховой партийной организации электродного завода: «Мы никогда так хорошо не жили в таких условиях, как сейчас. Позорное явление – это типичные хулиганские выходы, и очень обидно, что эти оголтелые хулиганы воздействовали на молодых рабочих... Рабочие электродного завода требуют к таким лицам – я не знаю их фамилии – такие меры: выслать в туеядский край, чтобы они работали. (Смех в зале.) Поводов, профессор инженерно-мелиоративного института: «Я выражу такое пожелание, что те операции, которые подготовлены и о которых говорил Фрол Романович Козлов в своем докладе по отношению к провокаторам, были бы выполнены и возможно в бейстрейший срок». (Аплодисменты.) Ядринцев, член бригады коммунистического труда завода синтетических продуктов: «Позорная кучка бунтовщиков элетровозостроительного завода...» Предложение с места: «Партийным организациям города усилить шефскую работу с частями подразделений

Советской Армии, находящимися в гарнизоне, ибо часть товарищей не совсем правильно поняла поведение армейских подразделений». Козлов: «Это записать постановлением». Председательствующий: «Разрешите собрание городского партийного актива объявить закрытым». (Бурные аплодисменты.) Тов. Козлов:

«Желаем вам успехов, товарищи». (Бурные аплодисменты.) И смех, и бурные аплодисменты, и руководящие указания высокого гостя из Москвы... Но и этот единственно доступный документ молчит о главном: чему же аплодировал актив? Получается, из прошлого вырваны целые страницы, а те, что остались, отредактированы, переписаны, как в романе Оруэла «Год 1984», который именно в девяностых стал доступен нашим читателям... Кандидат психологических наук Виктор Васильевич Кондрашев пришел к нам в ростовскую гостиницу. Весной 1962 г. он закончил пятый класс. 2 июня была суббота. Мать послала меня в центр города за маргарином. Перед площадью Революции автобус остановился: по проспекту Ленина, тогдашней улице Московской, шла демонстрация с красными знаменами и транспарантами... Я выскочил из автобуса. В сквере перед горкомом партии стояла толпа людей... Двери горкома были распахнуты. Мне стало очень интересно...

- Вы тогда поняли, что происходит?
- Нет, мне было просто интересно. Я никогда не был в этом здании и поэтому тут же пошел туда.
- Что вы там увидели?
- Около дверей на первом этаже стояли четыре солдата и никого не пускали... Я все-таки проскользнул, поднялся на второй этаж – огромный зал с паркетным полом. По залу ходили люди... Вышел на балкон. Услышал крики: «Как дальше жить? И так жрать нечего!», но меня эти крики не удивили, так как подобные разговоры я слышал каждый день с утра до вечера...
- Здание горкома было разгромлено?
- Никакого погрома мы не заметили. Только в зале на полу валялось несколько листов бумаги. И люди открывали двери пустых кабинетов, так как (но это я уже узнал значительно позже) все его работники сбежали.
- Долго ли вы были в здании?
- Нет. Я увидел, как с боковой улицы подъехал танк, и солдаты построились в каре, оттеснив толпу от здания горкома партии. Мне, конечно, стало интересно, и я побежал вниз. Протиснулся сквозь строй и стал сбоку от них. Все солдаты были с автоматами. На балкон вышел офицер в шлемофоне и за ним солдат с рацией за

спиной. Офицер что-то крикнул, перегнувшись через балкон, потом вернулся к солдату и что-то сказал. Мне все еще было интересно: толпа, флаги, солдаты, автоматы. Солдат произнес что-то в микрофон, и тут же раздался залп. Потом второй. Люди шаркнулись. Площадь быстро опустела. Я увидел людей, оставшихся лежать на площади. Потом женщину в слезах. Потом мужчину, который бежал, неся на руках женщину с окровавленной головой. Я медленно пошел от площади и увидел, что по улице Ленина курсируют танки. Во дворе перед аптекой лежали раненные. На следующий день утром им объявили в школе: «Вчера враги народа, шпионы, пытались устроить провокацию». В.В.Конвалов был свидетелем последнего момента кровавой трагедии...

О том, что ей предшествовало, нам рассказал Петр Петрович Сигуда. Мы сидим в его маленькой комнатке в Новочеркасске. На полу, на столе, на полках, в шкафах – кипы бумаг. Полгода назад он ушел с Новочеркасского электровозостроительного завода, чтобы целиком посвятить себя восстановлению истории новочеркасских событий, которую так старательно пытались вырвать из хроники нашего времени. Еще в пятидесятом году, когда я был в детском доме, мы с ребятами горячо спорили, кто сколько лет своей жизни отдаст за день жизни любимого Сталина. Я рос в детдоме и до четырнадцати лет не знал, что мать моя находится в лагере, а отец репрессирован.

Отец Петра Сигуды, умерший в тюрьме, был членом партии с 1903 г., хорошо знал Сталина, Ворошилова, Микояна, и в 1962 г. сам факт знакомства погибшего отца с Микояном спасет жизнь сыну. В 1962 г. Петру было 25 лет. Его арестовали 1 июня, за день до того, как солдаты вскинули автоматы. Обстоятельства его дела помогают сегодня восстановить саму картину новочеркасских событий. В приговоре по делу П.П.Сигуды сказано: «1-3 июня 1962 года в Новочеркасске Ростовской области и на отдельных предприятиях города уголовно-хулиганствующими элементами были спровоцированы массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, избиениями советских работников и представителей общественности, дезорганизацией работы промышленных предприятий, железнодорожного транспорта и другими бесчинствами... Сигуда П.П. днем 1 июня 1962 года приехал на завод и примкнул к бесчинствующим, взобрался в кузов стоявшей около заводоуправления грузовой автомашины, откуда задал главному инженеру завода Елкину С.Н. вопрос провокационного характера, подстрекающий толпу к продолжению массовых беспорядков. Находясь на полотне железной дороги, не пропускал

далее остановленный бесчинствующими элементами пассажирский поезд и вступил в спор с заводскими активистами, прибывшими для наведения порядка и восстановления движения железнодорожного транспорта. Вечером в тот же день Сигуда выступил с козырька туннеля перед собравшейся толпой с призывом не приступать к работе, идти к горкому КПСС с провокационными требованиями, предлагал посылать «делегатов» на другие заводы, ожидая прекращения на них работы. При появлении прибывших на завод работников милиции противодействовал им в установлении ими общественного порядка, требуя их удаления». Так отражены действия П.П.Сигуды в приговоре суда. Не убил, не ударил, не взорвал, не оскорбил, и в итоге – 12 лет в колонии усиленного режима. А вот что рассказал об этих событиях он сам:

– С января 1962 года на Новочеркасском электровозостроительном заводе в очередной раз снизили расценки на 20-30 процентов. Последними понизили расценки рабочим сталелитейного цеха. Это было в мае. А 1 июня по Центральному радио было объявлено о повышении цен на мясо и масло. Но не только повышение цен привело к забастовке. На заводе не решалась жилищная проблема, а плата за частные квартиры составляла в ту пору 20-30 рублей в месяц, то есть 20-30 процентов месячной зарплаты рабочего... В магазинах практически не было мясных продуктов, а на рынке все стоило очень дорого... 1 числа по дороге на работу люди возмущались повышением цен. В сталелитейном цехе собирались кучками. В цех пришел директор завода Курочкин и сказал рабочим, что, конечно, всех возмутило: «Не хватает денег на мясо и колбасу – ешьте пирожки с liverом». Эти слова и стали той искрой, которая привела к трагедии. Рабочие включили заводской гудок. К заводу стали стекаться рабочие из 2-й и 3-й смен. Началась забастовка... Появились плакаты: «Дайте мясо, масло», «Нам нужны квартиры»... На тепловозе остановленного поезда кто-то написал: «Хрущева – на мясо».

– Что делали вы сами?

– Я не хотел выступать на митинге, который стихийно начался на заводской площади, но меня беспокоили разговоры о захвате власти в городе. Я хорошо помнил рассказы участников событий в Венгрии и Грузии. Поэтому я выступил с призывом соблюдать твердость, выдержку, организованность. Я призывал на следующее утро всем идти в город, выработать общие требования и передать их властям.

– Были ли факты насилия по отношению к власти?

– И следствие, и суд не смогли обнаружить подобные факты, кроме двух незначительных случаев. Главного инженера завода Елкина затаскивали в кузов грузовой машины, но его не били. Второй случай – одному из «активистов» дали его же подчиненные несколько затрепанных... Уже поздно вечером рабочие сорвали с фасада заводоуправления портрет Хрущева. Его же портреты изымали из всех кабинетов, свалили в кучу и сожгли на площади... Того, что случилось на следующий день, второго июня, я не видел, так как уже был арестован...

За участие в июньских новочеркасских событиях были, по словам П.П.Сигуды, осуждены 105 человек. Семеро были приговорены к расстрелу (в том числе и одна женщина). Приговоры были приведены в исполнение. Мать Петра пробилась к Микояну, и потому он не пошел по самому страшному, «расстрельному» процессу. Из 12 лет П.Сигуда отбыл в лагере четыре с половиной года. Спрашиваю, обращался ли он с просьбой о собственной реабилитации?

«Нет», отвечает. – Для меня важнее реабилитация всех участников забастовки и восстановление исторической справедливости. Потому-то он и посвятил свою жизнь созданию собственного архива тех событий. Другого архива, как известно, нет.

... Идем по шоссе от завода к центру города. Путь неблизкий, примерно километров десять-двенадцать. Тогда, 2 июня, именно по этой дороге шла семитысячная толпа рабочих. С красными знаменами и портретом Ленина. Дорога узкая. Речка Тузлов. Мост через речку. На мосту стояли танки. Толпа переправляла через них, но танки не сделали ни одного выстрела... Теперь мы знаем почему.

В середине мая 1962 г. первый заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенант Матвей Кузьмич Шапошников проводил на Кубани сборы комсостава округа. В двадцатых числах командующий СКВД И.А.Плиев получил шифровку, в которой было сказано: поднять войска по боевой тревоге и сосредоточить их в районе Новочеркасска.

– В конце мая, то есть еще до первого июня? – переспрашиваю я у Матвея Кузьмича.

Он отвечает, что да, он точно помнит. Шифровка, как он понял, шла от Хрущева через Малиновского, бывшего в те годы министром обороны СССР.

– Для меня, военного человека, когда говорят, что надо поднять войска по боевой тревоге, то есть с оружием и боеприпасами, стало ясно – это не для борьбы со стихийными бедствиями. Значит, там что-то случилось. Плиев уехал раньше, а я, завершив сборы, поехал

в Новочеркасск, по дороге заскочив домой в Ростов, переодеться. Спрашиваем генерала, каким он увидел Новочеркасск. По его словам, в городе было все спокойно, он только обратил внимание на военные патрули. Плиев сообщил: необходимо выехать в район электровозостроительного завода и принять командование над прибывающими туда частями. Перед тем, как ехать на завод, командующий приказал Шапошникову доложить Козлову и Микояну.

– То есть, – снова переспрашиваем мы, – два члена Президиума ЦК находились в Новочеркасске еще до первого июня?

– Да, – подтверждает он. – Я их нашел в медпункте танковой дивизии, где им отвели резиденцию. Когда я вошел на территорию военного городка, обратил внимание, что он внутри по всему периметру окружен танками и автоматчиками, и не мог не удивиться – от кого так охраняют высоких гостей из Москвы?

Представившись Козлову и Микояну, я тут же высказал опасение: войска вышли с боеприпасами, причем не только стрелки, но и танкисты. Может произойти великая беда. Микоян промолчал, а Козлов грубо оборвал меня: «Командующий Плиев получил все необходимые указания! Выполняйте приказ!» Я был убежден, что совершается ошибка, и потому предложил Плиеву, члену Военного Совета округа Иващенко, всем нам вместе написать шифровку на имя Хрущева просьбой, чтобы у войск, сосредоточенных в районе Новочеркасска, изъять хотя бы боеприпасы. Генерал Плиев поднял вверх указательный палец: «Над нами члены Президиума ЦК КПСС».

Генерал М.К. Шапошников прибыл к заводу, вокруг которого уже сосредотачивались войска, и своей властью приказал: «Автоматы и карабины разрядить, боеприпасы сдать под ответственность командиров рот». То же самое относилось и к танковым боеприпасам. Спрашиваем, что он тогда увидел на заводе?

– Рабочие бурили по цехам, – отвечает генерал, – но митингов еще не было. Разговоры шли только о снижении расценок, постановление о повышении цен еще не было опубликовано.

– Приезжали ли местные руководители поговорить с рабочими?

– Они вели себя как трусливые зайцы... Двое приехали, но когда рабочие рванулись к ним, чтобы высказать свои претензии, они удрали через чердаки... Для того, чтобы обратить на себя внимание, рабочие остановили движение на железной дороге.

– Для того, чтобы Москва знала обо всем, что происходит здесь?

– Да... Не подозревая о том, что два члена Президиума ЦК находятся от них всего в нескольких километрах под охраной танков и

автоматчиков. Первого числа, по словам генерала Шапошникова, рабочие вышли из цехов и заполнили заводскую площадь. Они хотели встретиться с заводским начальством, но двери заводоуправления были забаррикадированы. Митинг продолжался целый день... А потом наступило второе июня.

Около одиннадцати часов утра распахнулись заводские ворота, и толпа в восемь тысяч человек с красными знаменами направилась в сторону Новочеркасска. Я подошел к рабочим и спросил: «Куда вы идете?» Один из них ответил: «Товарищ генерал, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». По рации я сообщил генералу Плиеву о том, что рабочие идут в центр города. «Задержите, не допускать!» – услышал голос Плиева. «У меня не хватит сил задержать семь-восемь тысяч человек!» – ответил я. «Я высылаю в ваше распоряжение танки. Атакуйте!» – последовала команда Плиева. Я ответил:

«Товарищ командующий, я не вижу перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать нашими танками». Плиев раздраженно бросил микрофон. Предчувствуя недоброе, я попытался на своем «газике» перегнать колонну. Навстречу мне попался генерал Пароваткин, которого я посылал раньше за устными указаниями Плиева. «Командующий приказал применить оружие», – сказал он мне. «Не может быть!» – воскликнул я. Тогда Пароваткин протянул мне блокнот, развернул его, и я увидел: «Применить оружие». Мы с Пароваткиным быстро вскочили в «газик», чтобы успеть обогнать толпу и не допустить кровавой акции. Но, не доехав метров четырехста до площади перед горкомом партии, услышали массивный огонь из автоматов.

– Матвей Кузьмич, сколько людей, по вашему мнению, было убито?

– Двадцать четыре человека, из них один школьник, тридцать было ранено. Я, помню, сказал генералу Пароваткину:

«Знаешь что, давай сейчас поедem к Козлову и Микояну и потребуем как очевидцы, чтобы на площади судили всех тех, кто применил оружие».

«Опомнитесь, Матвей Кузьмич, – ответил Пароваткин, – там же нас не поймут».

Мы спросили генерала, что было бы, если бы он подчинился приказу, и танки, стоявшие на мосту через реку Тузлов, атаковали толпу. Он ответил: «Погибли бы тысячи».

Когда он ехал на завод, то в его «газик» полетел булыжник. Попал в плечо, сорвал левый погон. Генерал высунулся из машины и крикнул тому, кто кидал булыжник: «Дурак ты!» И поехал дальше...

Вечером член Военного Совета округа Иващенко сообщил ему, что, по приказу областного начальства, трупы собрали, увезли и свалили в какую-то заброшенную шахту.

Когда я узнал, что собирается городской партийный актив, то решил на нем выступить и сообщил об этом члену Военного Совета. Я хотел сказать, что мы не должны этого делать. Я хотел напомнить всем, что даже в Программе нашей партии написано: для внутренних нужд СССР в армии не нуждается. Доказать всем, что это беззаконие и нарушение всех человеческих норм. Спросить руководителей КГБ и МВД, почему, если мы были в военной форме, то они пересели своих людей в грязные комбинезоны? Я хотел сказать, что много, но на актив меня не пригласили. Тогда я решил писать письмо и попросил адъютанта найти мне тома Ленина, в которых он дает оценку Ленскому расстрелу и Кровавому воскресенью.

– Кому письмо-то, Матвей Кузьмич? В ЦК? Хрущеву?

– В том-то и дело... Я понял, что писать некому, по крайней мере, по этим адресам...

... Через некоторое время в Москву, в Союз писателей СССР, на улицу Воровского начали приходить письма со странным адресом на конверте:

«советским писателям» и с не менее странной подписью: «Неизвестный Виссарийон». «Партия превращена в машину, которой управляет плохой шофер, часто спяну нарушающий правила уличного движения. Давно пора у этого шофера отобрать права и таким образом предотвратить катастрофу...» «... Для нас сейчас чрезвычайно важно, чтобы трудящиеся и производственная интеллигенция разобрались в существе политического режима, в условиях которого мы живем. Они должны понять, что мы находимся под властью худшей формы самодержавия, опирающегося на бюрократическую и военную силу». «Нам необходимо, чтобы люди начали мыслить вместо того, чтобы иметь слепую веру, превращающую людей в живые машины. Наш народ, если сказать коротко, превращен в бесправного международного батрака, каким он никогда не был». Письма в СП СССР приходили одно за другим, и можно только представить ту реакцию, нет, не у писателей, а у чиновных писательских руководителей, которые исправно переправляли письма в ГБ. На что надеялся Герой Советского Союза генерал-лейтенант, первый заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом (а ему еще

полгода пробыть и. о. командующего округом), то есть человек, стоящий на высших ступенях советской военной иерархии, занимаясь совсем не свойственным генералу делом – писать письма писателям под псевдонимом почти из школьного сочинения? Что заставляло его день ото дня заполнять личные дневники, размышляя не столько о военном искусстве, сколько о трудной науке гражданственности (кстати, дневники, как и письма, не все, правда, были возвращены генералу только в 1988-м). Что заставляло? Наверное, наверняка одно: ненависть к духовному рабству, которое он осознал, сама Система, которая лишила человека человеческого. Ну, а на что он надеялся?... Да и могло ли все это долго продолжаться? «Постепенно я начал сталкиваться с некоторыми странностями, вспоминает Матвей Кузьмин.

– Письма, которые приходили ко мне, как правило, приходили в поврежденных конвертах, и мои адресаты начали жаловаться мне на то, что в таких же поврежденных конвертах приходят и мои письма к ним. Помню, я пригласил к себе начальника особого отдела округа и попросил разобраться, кому понадобилось следить за моей перепиской. Начальник особого отдела смутился и через несколько дней сообщил мне, что конверты повреждены «из-за неаккуратности почтовых работников». В июне 1966 г. генерала Шапошников в расцвете сил неожиданно увольняют в запас. В те дни он записал в дневнике:

«Сегодня получил ответ на свое письмо Малиновскому Р.Я., которое я писал 08. 06. 66 года. Вот его резолюция на письме: «Тов. Шапошников М.К. Не смогли устроить Вас со службой, поэтому и состоялась Ваше увольнение. Большого чего-либо сделать не могу. Малиновский». В конце августа 1966 г. М.К.Шапошников вместе с женой возвращался на своем «запорожце» из Подмосквы в Ростов. При выезде из Москвы машину остановили. «В чем дело?» – удивился генерал. – «Что я нарушил?» Офицер ГАИ ответил: «Ничего. Мы только проверим документы». Рядом с офицером ГАИ стояли несколько чему-то ухмыляющихся людей в штатском. Обычно-то мы едем через Харьков, а в этот раз я решил ехать через Воронеж, чтобы срезать 150 километров. Не успел выехать из Воронежа, как дорогу перекрыли несколько машин с мигалками. «Товарищ генерал, вы откуда и куда?» (а я всегда еду в форме и со звездочкой Героя).

Я снова удивился. Проверили документы и отпустили. Но перед Ростовом снова тормозят. «Опять будете спрашивать, откуда и куда еду? Надоели!» Молодой офицер ГАИ смутился и опустил глаза.

Въезжаю в свой двор, но арка, через которую я всегда езжу, перекрыта, зачем-то вырыта яма. И тут только замечаю, что не только дом, но и квартал оцеплен. Первый, кого я вижу во дворе, – начальник особого отдела округа и с ним еще человек двенадцать в форме и в штатском. Подходит ко мне: «Здравствуйте, Матвей Кузьмич, машину ставьте вот сюда и вылезайте». Только мы с женой вылезли, машину начали обыскивать, возможно, в надежде найти какую-нибудь подпольную типографию. Поднимаемся по лестнице, и над моей квартирой, и под моей на площадках стоят странного вида молодые люди. Один из замков оказался уже сломанным... Еле вошли в квартиру. Мне предъявляют ордер на обыск. Спрашиваю начальника особого отдела: откуда начнете искать? Тот мгновенно указывает на кабинет, садится за мой стол и открывает именно тот ящик, где лежит мой личный архив, в том числе – на самом верху рукописи писем «неистового Виссариона». Плохой же вы конспиратор, Матвей Кузьмич, – говорим мы. Ая ничего и не собирался прятать. Я человек очень аккуратный, и, бросив взгляд в ящик стола, понимаю, что его уже внимательно осматривали: все бумаги перевернуты. Там же находилось и воззвание по поводу июньских новочеркасских событий – оно попало ко мне еще в 1962 г. Объяснили, что арестовывать меня не будут, взяли подписку о невыезде. После их ухода жена подняла ковер в нашей спальне и увидела, что под ним проswerлено два отверстия в стене, и в них вставлены трубочки. Техника у них тогда еще, видимо, была никудышная...

М.К. Шапошникову было предъявлено обвинение по статье 70 УК РСФСР – за антисоветскую агитацию и пропаганду. Лишь после обращения его к Андропову дело было прекращено, но не по реабилитирующим основаниям. И потому все материалы были переданы в партийную комиссию при Ростовском обкоме партии. 26 января 1967 г. тогдашний первый секретарь Ростовского обкома партии отобрал у генерала Шапошникова партийный билет. Конечно, Матвей Кузьмич тогда писал и писал. В ЦК, в прокуратуру, съездам партии. Он рассказывал о своей судьбе рабочего паренька, ставшего военным, ходившего в танковые атаки, получившего Героя в тяжелые фронтовые годы. Он писал про трагедию в Новочеркаске. Он не напоминал свои собственные слова: «Я не вижу перед собой такого противника, которого бы следовало атаковать танками». Наоборот, он писал, обращаясь уже к XXVII съезду партии: «Что же касается меня самого, то я и тогда, и поныне продолжаю себя казнить за то, что в июне 1962 года не сумел помешать кровавой акции».

... В мае 1967 г. генерал Шапошников записал в своем дневнике: «Лично я далек от того, чтобы таить обиды или злобу на носителей неограниченного произвола. Я только сожалею о том, что не сумел по-настоящему бороться с этим злом. В схватке с произволом и самоуправством у меня не хватило умения вести смертельный бой. В борьбе с распространенным и укоренившимся в армейских условиях злом, каковым является произвол самодуров, подлость и лицемерие, у меня не оказалось достаточно эффективного оружия, кроме иллюзорной веры в то, что правда, вот так, сама по себе, победит и справедливость восторжествует». Когда мы с ним повстречались, Матвею Кузьмичу Шапошникову шел уж 83-й год. Мы не заметили в нем старости жизни. Он ничего не забыл. Он ничего не хочет забывать. «Система может оказаться сильнее народа, но сильнее одного человека она может и не стать», – такими словами мы закончили эту статью тогда, весной 1989 г. Этот последний абзац ведущий редактор номера газеты почему-то вычеркнул. Что бы еще хотелось добавить к тому, о чем написал? Работали мы вместе с Владимиром Фоминым, корреспондентом «ЛГ» по Северному Кавказу. Писали быстро, взалб, на Володиной пишущей машинке, которую он пригласил из дома в гостиницу «Ростов». Помню, не покидало чувство опасности, даже сам не знаю почему: ведь кажется – это прошлое? Кому оно может помешать тогда, когда уже самые черные страницы прошлого открывались чуть ли не ежедневно? Даже помню, как знакомые ребята из милиции довели меня прямо до трапа самолета, узнав, какой груз везу я в редакцию: ведь до этого о новочеркасской трагедии не было сказано ни слова. Конечно, долетел я нормально, и статья спустя неделю была опубликована. Но не напрасными были тогда эти предчувствия; спустя полгода, когда все больше свидетельств той трагедии становились известными (включая место тайного захоронения жертв того расстрела), Петр Сигуда, собравший уникальные свидетельства новочеркасской бойни и требовавший наказать виновных, был убит. Помню, как поздно ночью позвонили мне из Ростова и сообщили об этом. Еще одному человеку, с которым столкнула судьба, суждено с тех пор оставаться только лишь в памяти. Генерал Матвей Кузьмич Шапошников прожил еще несколько лет. Прожил в славе – стал почетным председателем союза «Щит». Прожил в ненависти черных полковников и генералов. Мне тоже тогда досталось. Генерал Филатов в своем черносотенном «Военно-историческом журнале» написал: «Еще один борец за честь и достоинство...».

УРОКИ НОВОЧЕРКАССКА

*А.Тарасов,
ведущий эксперт Центра новой социологии
и изучения практической политики «Феникс».*

Кризис рухнувших на наших глазах сталинской псевдосоциалистической империи и сталинской псевдосоциалистической идеологии прошел три стадии. Первая была манифестирована смертью самого Вождя и Учителя и достигла пика в 1956 г. – в лице XX съезда, польского и венгерского кризисов и восстаний заключенных в лагерях. Вторая началась с «культурной революции» в Китае, достигла пика в 1968 г. в виде польских событий, «пражской весны» и Красного Мая в Париже. Третья, и последняя – была открыта вторжением в Афганистан и образованием польской «Солидарности» и привела к крушению советского блока и к Августовской буржуазной революции.

В истории этого кризиса – и особенно его первого этапа – Новочеркасск занимает особое положение. Конечно, этот город не был единственным местом рабочих выступлений против режима КПСС. Помимо Новочеркасска, были Караганда, Темиртау, Александров, Муром и другие города. Выступления в Новочеркасске нельзя, конечно, сравнить с героическим вооруженным восстанием познанских рабочих в июне 1956 г. и всевенгерской политической забастовкой 3–10 ноября 1956 г. Но, с другой стороны, Новочеркасск был массовым выступлением рабочих, официально считавшихся опорой режима, не на национальных окраинах сталинской «империи», а непосредственно в «метрополии» – в СССР, и в «метрополии» вдвойне – в России. Причем это уже не было восстание ничего не боящихся (так как им нечего терять) зков – как в Воркуте или Норильске. И это не были стихийные вспышки недовольства населения произволом милиции, как в Муроме и Александрове, или сознательно спровоцированные властями беспорядки, как в Темиртау. Новочеркасск – это ПЕРВЫЙ в послевоенной России опыт МАССОВЫХ И СОЗНАТЕЛЬНЫХ действий трудящихся в защиту своих ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ. Крайняя, чрезвычайно жесткая реакция властей на новочеркасские выступления свидетельствует о том, что советская верхушка очень серьезно отнеслась к этим событиям и была ими сильно напугана. Несмотря на все усилия режима, информация о Новочеркасске распространялась по стране и производила переворот в умах. Западногерманский автор Карл Шлёгел, автор интереснейшего исследования «Упрямый герой. Рабочие протесты в Со-

ветском Союзе с 1953 по 1983 гг.», указывает, что при Хрущеве в СССР была отмечена 61 массовая акция рабочих протестов, в том числе 58 забастовок, в 12 случаях переросших в уличные демонстрации и (или) массовые беспорядки.

Новочеркасские события показательны еще и тем, что рабочие выступления произошли не в каких-то новоосваиваемых районах (как в Караганде и Темиртау), где большинство работающих составляли переселенцы, приехавшая по оргнабору молодежь или бывшие заключенные, а в давно обжитом промышленном районе, где люди укоренились, жили веками, обросли связями, родней, добром, где им было, что терять. Более того, Новочеркасск, как и весь Дон, прошел через массовые репрессии времен «расказачивания» и голод 1932–1933 гг., что не могло не лечь тяжким грузом страха на массовое сознание местного населения. П.П.Сигуда прямо характеризовал Новочеркасск как «болото» (письмо П.Сигуды автору, 14.08.1989 г.). Тем более поразительно огромное число участников новочеркасских событий, поголовная поддержка забастовщиков и демонстрантов горожанами, слаженность, организованность действий, отсутствие хулиганства, грабежей и т. п. Конечно, новочеркасский взрыв был стихийен. Конечно, участники выступлений были ограничены в своих требованиях и наивны в своей вере в «доброту царя» (в лице Политбюро и Н.С.Хрущева). Но по-другому и быть тогда не могло. Никаких оппозиционных движений с разработанными программами в стране не было. Почти поголовно люди были уверены, что построенный Сталиным строй – действительно «социализм». Проведенные Хрущевым реформы, «оттепель» породили у населения огромные надежды. Должны были случиться новочеркасская трагедия, свержение Хрущева, удушение социалистических мечтаний «пражской весны», расстрел рабочих демонстраций на Балтийском побережье в Польше для того, чтобы с глаз представителей политически активного меньшинства в странах советского блока спала пелена сталинистских догматов, они перестали верить в сказку о том, что живут в «социалистических» государствах, «представляющих интересы рабочего класса», и начали, по примеру революционеров предыдущих поколений, создавать оппозиционные организации и движения (КОСКОР в Польше, например, создавал независимые рабочие организации прямо по рецептам Ленина из книги «Что делать?» – и в результате «Солидарность» уже не повторяла ошибок Новочеркасска: не было ни стихийности, ни отсутствия лидеров и программ, ни веры в «родное социалистическое государство»).

Но уроки из новочеркасских событий сделал и правящий режим. Нет никаких сомнений в том, что Новочеркасск стал козырем в руках «ястребов»-сталинистов против Хрущева: вот, мол, до чего доводят игры в реформы! Новочеркасск безусловно ослабил реформаторское крыло и потому, что кровавые расправы повязали с «ястребами» влиятельнейшего союзника Хрущева – А.И. Микояна. Не будет преувеличением сказать, что Новочеркасск был первым звонком по режиму Хрущева (Карибский кризис – вторым).

Правомочен также вопрос: а могли ли победить рабочие Новочеркасска? В полном смысле слова – сменить сталинский псевдосоциалистический строй или хотя бы режим – конечно, нет. Но при иной расстановке сил внутри КПСС и в политических верхах СССР они могли бы, безусловно, добиться заметной либерализации режима – как это удалось познавшим рабочим в 1956 г., фактически приведшим к власти В.Гомулку со всеми его реформами (роспуском политической охраны УБ, колхозов, снятием с поста министра обороны маршала Рокоссовского и т. д.). Не говоря уже о том, что при ином идеологическом климате и раскладе политических сил вполне вероятно было удовлетворение частных требований новочеркасцев: снижение цен, увеличение расценок, улучшение снабжения (известна при том Хрущеве история с забастовкой одесских докеров, отказавшихся грузить отсутствовавшее в самой Одессе продовольствие на корабли для Кубы и – власти удовлетворили требования забастовщиков, пустив этот груз в торговую сеть города).

Но никто не в силах изменить прошлое, и Новочеркасск останется в нашей истории тем, чем есть – страницей героической и трагичной.

В заключение хотел бы обратить внимание еще на один аспект. Сейчас, после Августовской буржуазной революции, одно лживое освещение истории нашей страны заменяется другим – и опять угодным правящему режиму. И уже появились к годовщине новочеркасских событий статьи в пробуржуазной прессе, в которых (как, например, в статье в «Российской газете») полностью отсутствует герой новочеркасского восстания П.П.Сигуда, его самоотверженный титанический труд по сбору материалов и свидетельств о новочеркасской трагедии приписывается другим людям, а сами новочеркасские события излагаются как кровавая акция «безбожных коммунистов», не пустивших людей в желанный капитализм. Ознакомившись с изложенными материалами, можно узнать правду и о П.П.Сигуде, и о «стремлении новочеркасских рабочих к капитализму».

НОВОЧЕРКАССК: СУДЬБЫ

По материалам Фонда Новочеркасской трагедии. Справка.

Фонд Новочеркасской трагедии создан в 1992 г. Основные формы деятельности: сбор информации, выявление пострадавших и их нужд, проведении реабилитации, ходатайства в различные инстанции. Фондом установлены места массовых захоронений расстрелянных участников событий. Активисты Фонда по этим фактам добились возбуждения уголовного дела, длившегося с 1992 по 1994 г. Останки людей с почестями были преданы земле. В 1996 году по ходатайству Фонда президентом Б.Ельциным был подписан Указ о реабилитации жертв Новочеркасской трагедии. В 2002 г. погибшим к 40-летию расстрела был установлен памятник.

26 человек погибли, около 90 ранены, 7 человек приговорили к смертной казни, 120 – к различным срокам заключения. Этими цифрами не ограничивается число жертв новочеркасской трагедии. У осужденных и погибших остались жены, мужья, дети, родители. Они стали родственниками «преступников». Дети выросли, не видя отцов, матерей, некоторые оказались в детских домах.

Сергей Сотников. В 62-м ему было 25 лет. Честный, искренний. Такие, как он, сражались на баррикадах 1905 г., граждански погибали за рабочее дело. В 1962 г. он боролся за права рабочих. Он просил суд дать ему возможность воспитать детей. Его приговорили к расстрелу.

Петр Сигуда. 22-летний рабочий получил 12 лет за участие в митинге на НЭВЗе. Только обращение матери к Микояну спасло его от расстрела в 62-м, но лагерь лишил его здоровья. Страдания, поиски правды, безразличие чиновников делали свое дело. Он первым и тогда единственным в 1988 г. начинает борьбу за реабилитацию. Он так и умирает, не успев все рассказать землякам. Не выдержало сердце, 62-й год убил его спустя 28 лет.

Ольга Артюшенко нашла своего 15-летнего сына в морге. Ей не дали его похоронить. За требование выдать ей тело сына ее отправили в психушку, а затем уволили с работы. Лишь в 1993 г. она смогла положить цветы на могилу сына.

Александра Пекуш утром 2 июня была здоровой, счастливой, ждала ребенка. Этот день лишил ее всего. Теперь она инвалид, одинокая, больная женщина. За что? И снова страх, слова сослуживцев: «Твое место в Сибири». «Вся жизнь наперекосяк получилась! Вычеркнуть бы из нее 62-й год», — эти слова вслед за А.Пекуш могли бы повторить многие.

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ

*Л. Заливная,
правозащитник, врач, руководитель
группы поддержки шахтерского пикета.*

События в Луганске 24 августа 1998 г. относятся к новейшей истории.

Казалось бы, в новом независимом государстве с победой демократии подавление силой мирных акций протеста не должно было бы иметь места. Однако в 1998 г. в Луганске было совершено беззаконие: пикет краснодонских шахтеров был избит милицейским подразделением «Беркут», предназначенным для борьбы с организованными преступными группировками и террористами. С чьего благословения мирный шахтерский пикет был приравнен к преступлениям, до сих пор неизвестно.

Апофеозом акций протеста шахтеров Донбасса на протяжении всего периода, начиная с 1989 г., стал Великий пикет краснодонских шахтеров в городе Луганске в 1998 году. Он приковал к себе не только внимание украинской, но и международной общественности.

Пикетирование Луганской облгосадминистрации горняками краснодонских шахт имени Н.П.Баракова, «Суходольской-Восточной», «Дуванной», «Краснодарской-Южной» началось 15 июля и закончилось 17 декабря 1998 г. В нем приняло участие около 250 человек. До конца пикета и полной победы достояло 227 человек. 1 человек погиб: Александр Михалевич в знак протеста против произвола директоров шахт и администрации прибег к самопожжению.

Пикет явился беспрецедентным по длительности, упорству, напряженности и драматизму, поскольку власти решили расправиться с лидером шахтерского движения – Независимым профсоюзом горняков шахты имени Н.П.Баракова.

С самого начала пикета обстановка накалялась властями все более, пока не грянуло 24 августа 1998 г. Об этом пике противостояния свидетельствуют две статьи, перепечатку которых из газет «Шахтер» и «Аспект» мы предоставляем Вашему вниманию.

Это наша новейшая история. Но как она перекликается с тем, что было 100 и 40 лет назад!

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ–98 ПО-ЛУГАНСКИ

Газета «Шахтер», август 2001 г.

К июлю 1998 года долг по заработной плате по шахте имени Н.П.Баракова составлял более десяти миллионов гривен. Это была задолженность за 1996, 97 и половины 98 года. На 1 июля НПГ ш. имени Н.П.Баракова объявила забастовку с требованиями о выполнении Конституции Украины, законодательства о труде, коллективных договоров и соглашений, выплаты задолженности по заработной плате, пенсиям, регрессам. 1 июля на шахту для работы в примирительной комиссии прибыл заместитель министра угольной промышленности Украины Подгорный Н.Е., который возмутился положением дел на шахте и пригласил к министру директора шахты Докучаева В.А., председателя НПГ Калитвенцева Д.Д. и председателя ПРУП Коробка Н.С.

Делегация встретилась с первым заместителем министра, а потом с министром, было подписано соглашение о погашении задолженности, повышении зарплат, обеспечении коллектива шахты оборудованием, в том числе и комплексом 2 КД-90. Протоколом предусматривалось, что погашение долгов по заработной плате будет производиться из расчета двухмесячного фонда за каждый месяц. В июле первый фонд должен был поступить на шахту 10, а второй 20 числа, но фонд не поступил до 15, и рабочие, желающие принять участие в акции протеста, вышли пешком в направлении г. Луганск. 16 июля колонна бараковских горняков подошла к зданию Луганской облгосадминистрации и расположилась на площади им. Героев ВОВ, минув «вольеры» из металлических оград, «любезно» предоставленные органами УМВД. Началось противостояние. С одной стороны – начальники участков и их заместители, директора ГХК и шахт, министр, органы исполнительной власти, милиции, суда, их единомышленники из числа рабочих, облгосадминистрация, профсоюзы, Кабинет Министров Украины и Президент, а с другой стороны – НПГ ш. им. Н.П.Баракова и рабочие, желающие получить свою зарплату. При такой неравной расстановке сил, отстояв 155 дней в пикете, рабочие получили полностью задолженность по зарплате, регрессам и пенсиям в полном объеме.

Пикетирование было очень непросто, администрация пользовалась всем арсеналом средств и методов, придуманным властями.

Милиция всегда искала причины спровоцировать какую-нибудь «нестандартную» ситуацию, чтобы оформить документы на суд и при «благоприятных условиях» судить человека.

Был случай, когда суд вынес решение о привлечении к административной ответственности, штрафу в размере 51 гривны руководителя пикета Калитвенцева Д., потому что согласно протоколу, составленному участковым милиционером 4 августа, Калитвенцев допустил 6 августа купание пикетчиков в голем виде.

Причем, в протоколе, написанном «ясновидящим милиционером» за двое суток до события, указано, что свидетели (их было двое) этого не видели и протокол не подписывали. Решение суда было отменено после того, как средства массовой информации выпустили заметки под издевательским, но справедливым названием «Служит ли баба Ванга в органах МВД».

Были провокации и во время отправки делегации на похороны шахтеров, погибших при взрыве на шахте имени XIX партсъезда «Сутоган», когда работники милиции пытались спровоцировать драку с шахтерами.

Ближе ко Дню Независимости Украины среди луганчан пошли слухи о том, что милиция изгонит пикетчиков из города.

В День Независимости, 24 августа, администрация была уведомлена шахтерами о том, что состоится факельное шествие в защиту Конституции Украины и символическое сожжение чучела «паразита», нарушающего Конституцию и игнорирующего права шахтеров.

За обеспечение общественного порядка отвечал начальник ЛГУ МВД Украины В.Ишков. По плану руководства УМВД Луганской области был создан штаб, руководство которого возглавил заместитель начальника УВД области А.Никитенко.

С 2-х часов дня на площадь начали стягиваться милицейские подразделения.

Войска спецназа с полным набором «спецсредств» находились в окрестностях площади с самого утра. К 5 часам вечера площадь напоминала голубое море от мундиров работников милиции с белыми пятнами от работников МВД, в штатском. Среди этого моря шахтеров практически не было видно. После 6 часов каре милиции сомкнулось многоярными колоннами, разбив площадь на секторы. К штабу, где находились руководители пикета и первая группа, заправляющая факелы горячим (всего около 30 человек), были подняты большие силы милиции.

К людям подошла многочисленная группа руководящих работников МВД города Луганска и Луганской области В.Ишков, Б.Бабенко, М.Журавлев, А.Сидоренко. Шахтерам предложили отдать чучело «паразита» под ложным предлогом разминирования. При этом следует отметить, что весь процесс изготовления «паразита»

работники МВД снимали на две видеокамеры. Руководители МВД сообщили, что в 19 час 15 мин. в дежурную часть позвонил «неизвестный» и сообщил, что чучело заминировано. Все гражданские лица были выведены с площади еще в 16 часов. По всей видимости, работники МВД знали заранее, что будет «анонимное» сообщение о «мине» в чучеле.

Не дождавшись результатов переговоров, подполковник Б.Бабенко дал команду: «Беркут» пошел», – и шахтеры ощутили на себе весь арсенал спецсредств борьбы с организованной преступностью. Спецназовцы под командованием Н.Огиенко применяли газ «терен» и резиновые дубинки. Как свидетельствует письмо генерального прокурора М.Потембенко № 07/4694-98 от 30.12.98 г., в первом случае бойцы «Беркута» применяли спецсредства по собственной инициативе, а потом по команде. Наверное, у командиров разыгрался аппетит. Но с трудом верится, что бойцы и первый раз применили спецсредства по своей инициативе, их просто командиры подставили – сначала дали команду, а потом отказались.

Из того же письма генерального прокурора следует, что на месте происшествия находились 25–30 шахтеров, 50 работников «Беркута» и обеспечивали «правопорядок» 488 работников милиции. В результате конфликта пострадали 22 шахтера, 12 работников «Беркута» и 3 сотрудника милиции. Возбуждены уголовные дела по статьям Уголовного кодекса Украины 166 (превышение власти или служебных полномочий, если оно сопровождалось насилием) и 206 (части 2).

По факту конфликта несколько раз вопрос рассматривался на заседаниях Верховной Рады Украины. Почти все депутаты и депутатские фракции осудили действия властей. Рассматривался вопрос и на сессии областного совета. Практически все партии встали на сторону шахтеров. За шахтеров заступился и Краснодарский городской совет и его исполком. Голова г. Краснодона Ильинов В. М. требовал от руководства страны наказания виновных в преступлении, совершенном против жителей г. Краснодона, предоставил пикетирующим шахтерам юристов для оформления документов в суд, группу врачей для обследования, хотя и луганские врачи проявили особое внимание к шахтерам. Жители г. Луганска поддержали шахтеров и собрали в их поддержку более ста тысяч подписей, помогли и материально. Шахтеры остались благодарны всем, кто встал на их защиту.

Следствие затянулось до сегодняшнего дня.

Пикетирование продлилось до 17 декабря, всего 155 дней, или 5 месяцев и 3 дня.

14 декабря в 4 часа ночи в знак протеста против издевательств со стороны администрации совершил акт самоожожения наш товарищ Александр Михалевич, у которого остались трое сирот и супруга.

16 декабря после истечения срока постановления Верховной Рады Украины по разрешению вопросов пикета в г. Луганске шахтеры перешли к активным действиям, в результате чего власти и администрация ГХК и шахт выполнили все требования пикетчиков. Не решены полностью вопросы только у участницы пикета К.Г. Овчаровой, которая в ночь с 16 на 17 декабря не смогла полностью проверить правильность начисления зарплаты и регрессных за погибшего на шахте «Суходольская-Восточная» супруга потому, что ее просто обманули должностные лица администрации шахты и ШПУ-2.

К вопросам, которые были подняты НПП ш. им. Н.П. Баракова и пикетчиками в 1998 г. возвращались неоднократно. В апреле 1999 г. разрешению этих вопросов было посвящено совместное заседание Комитетов ВР Украины по правам человека, национальных меньшинств и межнациональным отношениям, по законодательному обеспечению правоохранительной деятельности, борьбе с организованной преступностью и коррупцией, по социальной политике и труду, бюджетного комитета. На него были приглашены директор шахты Докучаев В.А. и председатель НПП Калитвенцев Д.Д. В 1999 г. Краснодар посетили Премьер-министр Пустовойтенко В.П. и Президент Украины Кучма Л.Д. В Луганской области прошли заседания КМУ. Летом 1999 г. краснодонцы еще несколько раз ходили в походы за зарплатой. В общей сложности в походах приняло участие несколько тысяч человек, которые также добились выполнения своих требований.

Сейчас зарплату стали платить вовремя. Но до сегодняшнего дня не повышены тарифные ставки и должностные оклады, согласно приказу министра топлива и энергетики Украины № 345 от 21 августа 2001 г., поэтому на шахтах нарастает недовольство шахтеров, и, наверное, произойдет новый виток акций протестов и забастовок.

ЭХО ЛУГАНСКИХ СОБЫТИЙ

Газета Конфедерации свободных профсоюзов Украины «АСПЕКТ» N83 (8), октябрь, 1998.

24 августа, в день празднования 7-й годовщины Независимости Украины, в сквере напротив здания Луганской областной администрации властями было организовано избивание шахтеров из г. Краснодона, принимающих участие в пикетировании здания областной администрации.

...В г. Луганске более 240 горняков уже четыре месяца находятся возле здания облгосадминистрации. Их требования адресованы руководству шахт «Суходольская-Восточная» и шахты им. Баракова: погасить существующую задолженность по заработной плате и другим выплатам. По факту проведения шахтерами факельного шествия 24 августа следственным управлением МВД Украины возбуждено уголовное дело по ст. 187-3 УК Украины: «Организация или активное участие в групповых действиях, которые нарушают общественный порядок». Но в то же время не соблюдается другая сторона закона: право человека получать вознаграждение за свой труд.

Как в этой ситуации должны были вести себя оголодавшие и обнищавшие горняки? Кто ответит за побоище в Луганске? Об этих кровавых событиях средства массовой информации много писали и говорили. Версии и мнения были разными. Мы же решили опубликовать свидетельство одного из многих очевидцев, случайно оказавшихся в то время на площади перед зданием облгосадминистрации.

Що я бачив своїми очима 24.08.98 р. біля будинку Луганської облдержадміністрації від 18-ї до 20-ї години вечора.
(Володимир ПОПОВ з міста Брянки.)

«Після мітингу і підсумків в управі Крайового Руху я залишився ночувати в Управі. Десь о 17.30 я вийшов і пішов до центру міста. Луганськ святкував, біля облдрамтеатру готувалися до початку концерту під відкритим небом. Ав сквер, де стоїть пам'ятник Великому Кобзарю, шахтарі готувалися до факельної демонстрації. Я поговорив з шахтарями, зокрема, із Заливною Ларисою Миколаївною, лідером місцевих соціал-демократів. Заливна попросила мене йти в кінці колони шахтарів разом з громадянами, які теж хотіли підтримати шахтарів... Однак факельного руху шахтарів таки не відбулося. 24.08.98 року шахтарів було понівечено палками омонівців... Шахтарі хотіли пройти з факелами по вул. Радянській до скульптури робітника-факельника і назад. Попереду колони вони

хотіли нести опудало чиновника-бюрократ-паразита, спалити його по дорозі, а потім повернутися до свого шкету біля облдержадміністрації. Міліція стояла шпалерами. Омону не було видно. До шахтарів причепилися чиновники, одягнені цивільно (мабуть, з СБУ). Вони хотіли забрати опудало, перевірити, чи у ньому нема вибухівки, але шахтарі опудало не віддали. Вмить з'явилися омонівці в касках, бронежилетах. Почалася бійка. Заливна кинулася до телефонів-автоматів, я – за нею (поруч). Заливна хотіла, щоб визвали спецкору з радіо «Свобода» Соколенка. Чим би він їм допоміг? Ми з нею метнулися назад до шахтарів, але нас туди не пускала міліція. Заливну збили з ніг, мене придержали два молодики-міліціонери, але втрутилися шахтарі, підбрали Заливну. Мої «тілоохоронці»-міліціонери кинули мене напризволяще, бо бійки почалися скрізь, аж до пам'ятника Т.Шевченку. Кілька хвилин я був у кільці міліції і ОМОНу разом з шахтарями. Шахтарів били жорстоко. То тут, то там падали люди. Десятки непритомних тіл на асфальті. Кілька шахтарів провели повз мене із заламаними за спинами руками. Галас, стогін, крики і звернення до громадян-луганців про допомогу. Шахтарі – безпорадні у своїй люті і слабкі проти ОМОНу і міліції. Бійка тривала хвилин 15–20. Потім ослабла. Машин «Швидкої допомоги» я не бачив. Десь о 20-й годині все закінчилося тим, що шахтарі збилися до купи, сіли на асфальт і почали щосили стукати порожніми пляшками. Тут же запалили факели. Поранених підбрали, порозносили по палатках. Я підходив, розмовляв з шахтарями: чого ж битися з міліцією? Треба побити всі вікна в будинках облдержадміністрації, як це зробили татари в Сімферополі. Мене сприймали, як провокатора...

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО И ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ

Л.Н.Заливная, Д.Д.Калитвенцев, С.И.Морозов

1. ШТРИХИ К ИСТОРИИ РАБОЧЕГО И ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

1.1. СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОФСОЮЗОВ

Рабочее и возникшее на его основе профсоюзное движение насчитывает на территории Украины более 100 лет. Особенно бурным и динамичным оно было на юге и востоке Украины от Екатеринослава (Днепропетровска) до Луганска в начале XX века.

В советский период оно было подавлено, хотя репрессии и тяжелые условия труда вызывали иногда вспышки сопротивления.

Последующие достижения советской власти, и прежде всего 8-часовой рабочий день, а также социальные гарантии и льготы дались рабочим непросто. Утверждение, что все это было результатом 1917 г., не соответствует действительности. История свидетельствует, что, например, в 20-е годы рабочие утратились еще сильнее, чем до революции. Иногда рабочий день составлял до 12 часов без выходных, а вместо зарплаты выдавался паек, которого не хватало даже на одного человека. В Подмосковном угольном бассейне («Тула-уголь») в 1922 г. произошло восстание, которое было жестоко подавлено. Шахтеров загнали в шахту и не выдавали нагора более 2 недель. Но при этом не смогли заставить их работать. Шахтеров вырвало то, что в Донбассе тоже готовилось восстание, и власти решили договориться с профсоюзами. 23 декабря 1922 г. был подписан коллективный договор между профсоюзами и Донецким совнархозом, который и сейчас можно считать образцом того, чего можно добиться путем переговоров, причем очень жестких. Коллективный договор предусматривал:

- 5-дневную рабочую неделю;
- 6-часовой рабочий день, а на тяжелых и опасных работах – 5-часовой, в ночное время – на 1 час короче, то есть 4 часа;
- 18-дневный рабочий месяц для рабочих, занятых на опасных и тяжелых работах, то есть 4-дневную рабочую неделю (следует учесть, что это было время всеобщей разрухи);
- повременную оплату труда;
- общие выходные в воскресенье;
- общие праздничные дни, всего 16;
- выплаты компенсаций при травмах и профзаболеваниях;
- облегчение труда женщин;
- ограничение труда несовершеннолетних.

Также всесторонне оговаривались вопросы охраны труда и ответственность администрации за травмы и многое другое.

Мы привели эти данные затем, чтобы убедиться в том, что по некоторым пунктам, таким, как повременная оплата труда, продолжительность рабочего времени имеется не прогресс, а регресс, и в том, что имевшие место социальные гарантии в советское время были результатом борьбы рабочих за свои права.

Советское государство со временем постепенно подминало под себя все общественные институты, включая профсоюзы. В 1928 г. социальное страхование превратилось в одну из ветвей

государственно-чиновничьей деятельности. А поэтому государство ничем не рисковало, предоставив возможность управлять частью средств социального страхования профсоюзам, так как профсоюзы к тому времени были постепенно подчинены производственной и государственно-партийной администрации.

ЦК КПСС и Совнарком умело и окончательно расправились с профсоюзами: объединили ЦК профсоюзов и Наркомтруда и создали на этой основе ВЦСПС. ВЦСПС просуществовал до начала 90-х годов. Возрождение Министерства труда, а также реальных, соответствующих своим функциям профсоюзов началось лишь по истечении почти 60 лет.

В отличие от профсоюзного рабочее движение было подавлено не путем реорганизаций и трансформаций, а силой. Информация о выступлениях рабочих с протестами засекречивалась. Расправа над одной из наиболее мощных мирных акций протеста рабочих в Новочеркаске в 1962 г. все-таки стала достоянием гласности, не официальной, а народной: Новочеркасск был городом студентов, а Ростовский университет – своего рода очагом свободомыслия того времени, и через просвещенную публику информация разошлась довольно широко. Неизвестно, как в 1997 и 1998 гг. поступили бы власти с пикетом краснодонских шахтеров в Луганске, если бы не было социального опыта трагедии в Новочеркаске и если бы действия луганских властей в 1998 г. не вызвали широкого общественного резонанса, массового возмущения и выражения поддержки шахтерскому пикету.

И если в советский период массовые акции протеста были редкими и рассеянными, в пределах сотни на всей территории СССР за мирный период времени, то в постсоветский период в одной только Украине количество зарегистрированных акций различной силы достигает нескольких тысяч.

1. ВОЗРОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО И ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Начало возрождения рабочего и профсоюзного движения относится к 1989 г. Периодизацию можно приблизительно очертить следующим образом:

– 1989–1991 гг. – массовые митинги протеста, забастовки во главе с представительскими органами протестующих рабочих – стачкомами, забастовками, рабочими комитетами и т. д.;

– середина 1991 г. – 1994 г. – массовое возникновение новых профсоюзов в госсекторе, новых объединений предпринимателей («профсоюзы предпринимателей»), самостоятельные выступления новых профсоюзов, влияние на политическую жизнь в Украине;

– 1995–1999 годы – ухудшение экономической ситуации в стране и всплеск рабочего движения, которое берется под контроль профсоюзами, вторая волна массового учреждения новых профсоюзов, наиболее мощные акции протеста;

– с 1996 года – ослабление профсоюзов;

– 1997–1999 – усиление акций протеста под руководством профсоюзов, учреждение новых профсоюзов и их объединений;

– с 1998 г. – ошутимая дезинтеграция «традиционных» профсоюзов;

– с 2000 г. – поиски перспективы развития профсоюзов.

2. ХОД РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО И ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

2.1. ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Впервые о себе рабочие сказали весной 1989 г. в городе Красный Луч. Власти срали между собой с одной стороны – рабочих, объявивших забастовку, с другой – «сознательных рабочих», которые им не дали бы бастовать: должна была произойти драка. Виновыми должны были остаться «несознательные». Властям захотелось повторить «новочеркасский вариант», только «по-ветнамски» («пусть азиаты убивают азиатов»), чтобы рабочие били рабочих. Не получилось, потому что большая часть рабочих понимала необходимость перемен, и никто не захотел драться с «несознательными».

Власти решили использовать зарождающееся рабочее движение в своих целях. Массовые забастовки начались в Междуреченске в 1989 г., председателем забастовки стал Авелиани, генеральный директор производственного объединения по добыче угля. Забастовка охватила всех угольщиков страны. Тактика администрации, сводившаяся к противодействию забастовщикам и одновременно подключению (часто в форме подсазков) к требованиям рабочих собственных эгоистических требований, получила в различных вариациях повсеместное распространение.

В Донбассе забастовки начались 12 июля 1989 г. одновременно в двух городах – Горловке и Краснодоне. На протяжении нескольких дней к ним присоединились все шахты. В протоколах согласительных комиссий поставили подписи две стороны: с одной

стороны – представители правительства и профсоюзов, с другой стороны – представители бастующих (члены забастовков). Этот факт раскрыл всю сущность «традиционных» профсоюзов, которые стали по разные стороны баррикад с рабочими и тем самым полностью дискредитировали себя в глазах бастующих. Рабочие были возмущены их действиями. Чтобы не допустить создания рабочими собственных профсоюзов, с подачи администрации в требования был внесен пункт о перевыборах профсоюзных органов на уровне профсоюзных организаций и теркомов. Однако перевыборы не изменили сути имевшихся профсоюзов, и рабочие стали выходить из них и создавать свои, новые профсоюзы.

Разница в сути профсоюзов проявилась в ближайшее время. Весной 1992 г. Профсоюзом работников угольной промышленности (ПРУП) было подписано отраслевое тарифное соглашение, то есть соглашение с Минуглепромом о тарифах, трудовых и социальных гарантиях и т. п. Мощная забастовка 1992 г., организованная новым Независимым профсоюзом горняков, была поддержана свободными профсоюзами авиадиспетчеров, летного состава, железнодорожников, и результатом имела то, что 2–3 сентября 1992 г. Минуглепромом было подписано подобное соглашение с НПГУ, но только лучшего содержания. Часть этого соглашения как улучшающая вошла в первое соглашение и стала общеобязательной для всей отрасли. На основе этого улучшенного соглашения в октябре 1992 г. был принят Закон «Об охране труда». Рабочие убедились, что занимавший соглашательскую позицию 1-миллионный ПРУП не смог добиться того, чего добился для рабочих своей принципиальной позицией новый, относительно небольшой, 50-тысячный Независимый профсоюз горняков Украины.

Администрация в этот период использовала возможность ослабить рабочее движение и воспрепятствовать созданию новых профсоюзов, пустив деятельность представительских органов рабочих по ложному пути. Удобный случай вскоре представился. В ходе переговоров с забастовщиками были подписаны соглашения, на основе которых были разработаны правительственные документы: Постановление Совета Министров СССР № 608 и Постановление Кабинета Министров Украины № 717. На базе стачковом были созданы комиссии по контролю за выполнением этих Постановлений, подменившие собой органы государственного контроля. Из-за неопытности членов комиссий и умелого ими манипулирования комиссий превратились в снабженческие организации. С подачи директоров, «доставали» из комиссий занимались пробиванием «совместных

предприятий», добыванием оборудования, машин для трудящихся и для руководителей, всякого рода дефицитных товаров (при этом некоторые не забывали и себя). Комиссиям дали большие полномочия по проверке объектов торговли и общественного питания. Многие «комиссары» пользовались своими полномочиями в свою пользу. В конце концов деятельность комиссий заглохла.

Однако рабочие набирались опыта, анализировали развитие ситуации и приходили к выводу, что необходимо на базе рабочего движения развивать профсоюзное.

2.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ПРОФСОЮЗОВ

Первыми в июле 1991 г. после двухмесячной забастовки в Павлограде, Красноармейске и Первомайске (Луганской области) возникли независимые профсоюзы горняков.

На втором съезде шахтеров 27–29 октября 1991 г. в городе Донецке было принято решение о реорганизации Профсоюза работников угольной промышленности (ПРУП) в Независимый профсоюз горняков (НПГ) и о выводе из него всех работников, обладающих правом приема, увольнения и распоряжения рабочей силой. Делегатами были в основном председатели профкомов и директора. Приехав на места, они ни словом не обмолвились об этом решении.

Выполнила решение лишь профсоюзная организация, возглавляемая в то время М.Волынцом (г. Красноармейск).

С момента возникновения НПГ и ВОСТА (Всеукраинского объединения трудящихся) рабочее движение разделилось на две части: старые, «традиционные», советские профсоюзы с одной стороны, и новые, независимые, свободные профсоюзы – с другой. Они альтернативны по отношению друг к другу. Поэтому, с нашей точки зрения, называть новые профсоюзы альтернативными неверно: альтернативность – характеристика обоюдная, а не односторонняя. Свободные профсоюзы в сравнении с прежними были малыми и малочисленными, но сильными. Сила их происходила оттого, что в выборных органах были рабочие, которых избирали на собраниях и митингах, и выборные органы выполняли решения тех, кто их избрал, то есть реализовали коллективную волю людей, почувствовавших себя свободными. Силу свою свободные профсоюзы Украины показали и во время упоминавшихся забастовок 2–4 сентября 1992 г., результатом которых стало принятие Закона Украины «Об охране труда» и подписание Генерального Типового Тарифного соглашения, а также в 1993 г., когда под давлением забастовок было подписано

соглашение о проведении досрочных выборов в Верховную Раду и Президента Украины. Забастовки 1993 года были вызваны повышением цен правительством Л.Кучмы в июне-июле в несколько десятков раз.

Первыми тогда возмутились горняки. Забастовка началась в Донецке 8 июня 1993 года и Краснодоне 9 июня 1993 г. (в день первой годовщины взрыва на шахте «Суходольская-Восточная»). Горняков поддержали все отрасли промышленности. К середине июня к забастовкам присоединились другие регионы: Харьков, Николаев, Киев, Симферополь, Львов, Ивано-Франковск, Одесса и др. Власти Украины уступили напору рабочих и объявили о досрочных выборах Верховной Рады Украины и Президента. Под давлением бастовавших шахтеров был смещен со своего поста Премьер-министр Л.Кучма и вместо него назначен и. о. Премьера Е.Звягельский из Донбасса. В 1994 г. состоялись досрочные выборы, но у власти остались те же самые силы, которым профсоюзное движение мешало.

2.3. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ПРОФСОЮЗОВ

После 1994 г. экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться, развивалась гиперинфляция, начались задержки с выплатой заработной платы. Профсоюзы стали во главе частью стихийных, частью спланированных рабочих выступлений, достигших своего пика к 1996 г., когда власти не соглашались выполнять законные требования голодных рабочих, и участники акций протеста прибегли как к аргументу к перекрытию автомобильных дорог и железнодорожных путей, по которым уголь вывозился со складов.

В ответ начались расправы. Пример подал краснодонский прокурор А.Рева, давший санкцию на арест лидеров забастовки. Первыми были арестованы П.Кит и М.Скрыньский. По этому же пути пошли и в Донецке, было арестовано несколько профсоюзных активистов. Над ними были устроены суды, которые рабочими воспринимались как заказные.

После арестов и судов над профсоюзными активистами в июле-ноябре 1996 г. профсоюзное и рабочее движение ослабевает. Под воздействием репрессий многие профсоюзные активисты встали на путь соглашательства и даже предательства рабочего движения, соглашаясь с тем ложным постулатом, что в невыплатах зарплаты виновны не конкретные хозяйственники, администраторы и политики, а тяжелое положение в стране. Получилось, что ряд профсоюзных лидеров начал защищать интересы собственников, а не рабо-

чих. Этот подход настолько укоренился, что в 2001–2002 гг. некоторые председатели свободных профсоюзов в Краснодоне, «войдя в тяжелое положение собственников», «от имени коллектива» отказались от законного повышения тарифных ставок и окладов, от выполнения статьи 43 Горного Закона Украины, предоставляющего социальные льготы шахтерам и приравненным к ним контингентам населения. В последнее время ключевые посты в ряде профсоюзов занимают случайные люди, далекие от рабочего движения и от проблем трудящихся.

Но основная часть организаций и лидеров выстояла, несмотря на то, что методы борьбы против них власть имущих часто заходили за грань дозволенного и были незаконными. Были увольнения и восстановления на работе через суды, отказы в предоставлении профсоюзным организациям помещений, средств связи, транспорта, в перечислении членских взносов на их счета; заказные выступления в средствах массовой информации, дискредитирующие новые профсоюзы и их лидеров; предвзятые судебные решения, отменявшиеся впоследствии; сбор конфиденциальной информации о лидерах; сбор сведений о членах их семей по месту жительства и месту работы; прямые угрозы, запугивания и расправы; применение силы, как например, нападение вооруженного отряда спецназа на участников акции протеста при подходе их группы к железнодорожному вокзалу в Луганске в 1997 г. и избивание шахтерского пикета милицейским отрядом «Беркут» в Луганске 24 августа 1998 г. Повсеместной стала практика административного нажима на рядовых членов независимых профсоюзов, чтобы люди покидали их. Только на основании принадлежности «не к тому профсоюзу» людей лишали возможности получить путевку, свою часть зарплаты, какое-то пособие, старались уволить или перевести в худшие условия работы или на работу с более низкой оплатой. Иногда практиковалось якобы проведение «собраний трудового коллектива» с выдвижением требований, обратных требованиям независимых профсоюзов. Так, во время Великого пикета в Луганске в 1998 г. продлившегося массово 156 дней, директор шахты имени Н.П.Баракова организовал сбор подписей по сменам под заготовленными требованиями не выплачивать бастующим их денег. По нарядам шахты были розданы стандартные «протоколы», где требовалось лишь внести количество присутствующих и расписаться «председателю собрания». Но это деяние директора привело в конечном итоге к обратному эффекту. Те забастовщики, против которых был организован сбор подписей, все-таки добились получения своих заработанных денег. Но те, кто под-

писывался под этими «требованиями», ничего не получили по настоящему момент, спустя полных 4 года, получив урок того, что за свои права надо бороться, а не идти на поводу у администрации.

Велась борьба против свободных профсоюзов и на более высоком уровне. Образованная в 2001 г. Конфедерация свободных профсоюзов Луганской области по состоянию на середину 2002 г. продолжает игнорироваться властями. Независимые профсоюзы горняков в Украине умело разобочены на четыре группы, и власти работают с ними дифференцированно.

Противостояние между администрацией и свободными профсоюзами порождалось косностью мышления директоров и чиновников; алчностью бизнесовых структур, особенно посреднических, а также групп, прибирающих к своим рукам собственность; групповым социальным эгоизмом тех, кто наживается в обстановке теневой экономики. Независимые профсоюзы мешали им. Старые профсоюзы не проявляли подобной активности, и у властей было четкое разделение: иметь дело и подписывать всякие документы с прежними профсоюзами, а новые – игнорировать.

Начиная с 1995 года, в Украине ухудшалось содержание законов, которые в той или иной мере касались трудовых прав, трудовых и социальных гарантий и льгот, а также возможностей рабочих отстаивать свои права, в том числе через профсоюзы. Новый Закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях» в редакции от 15.09.99 г. фактически исключал возможность учреждения новых профсоюзных организаций, подписания ими коллективных договоров, участия в коллективных переговорах. Профсоюзы начали добиваться отмены антиконституционных положений этого Закона. Большую помощь в этом оказал народный депутат, юрист В. Онопенко.

2.3. АКТИВИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО И ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Расправы над профсоюзами и их активистами не дали желаемого результата. Продолжающееся ухудшение социально-экономического положения вновь активизировало рабочее движение. Традиционные профсоюзы не могли сдержать его. Так, в Краснодоне в 1999 г. был подписан мораторий на забастовки между директорами, профсоюзами (за исключением НПГ шахты имени Н.П. Баркарова), так называемым рабочим активом (бригадир, звеньевые) и Министерством угольной промышленности. Через месяц после этого на протяжении двух месяцев в общей сложности 3 тысячи человек вы-

шли в походы протеста. Оказалось, что перечисленные подписанты не представляли интересов людей. Люди выходили на акции протеста, невзирая на принадлежность к тому или иному профсоюзу, и именно 1997–1999 гг. отличаются массовостью и упорством акций протеста.

На протяжении 1997 года состоялось несколько походов и пикетов шахтеров в Донбассе, Днепропетровской области. Требования протестующих удовлетворялись частично. Лишь краснодонские горняки под руководством НПГ шахты имени Н.П. Баркарова отстояли и полное погашение задолженности по зарплате, после чего власти начали относиться к этому НПГ с особым пристрастием.

Весь 1998 г. прошел в противостоянии: были массовые походы шахтеров на Киев, массовые пикеты (до 1000 человек), забастовки на рабочем месте в шахтах, перекрытия шахтных стволов женами шахтеров, и наконец, Великий пикет в Луганске с 15 июля по 17 декабря 1998 г.

После того, как участники Великого пикета получили всю требуемую сумму задолженности по зарплате, социальным выплатам (пенсии, по регрессным искам, пособия), рабочее движение вспыхнуло с новой силой. Акции протеста принимали подчас самые острые формы: невыезды из шахты, подземные голодовки, вскрытия вен, случаи самосожжения. Усилились ссылки рабочих на нарушения КЗоТ, охраны труда и техники безопасности. Этот год был также отмечен походами женщин: сначала жены принимали участие в походах вместе с мужьями, а в июле около 700 жен краснодонских шахтеров вместе с детьми (более 200) вышли походом на Луганск. Часть из них простояла в пикете полтора месяца, добившись не только всех выплат своим мужьям, но и компенсации за задержку зарплат, индексации зарплат ввиду инфляции и т. д.

В этот период на волне активизации рабочего движения продолжался процесс учреждения новых профсоюзов, главным образом на промышленных предприятиях. Сокращение рабочих мест, открывшее разрушение предприятий, повальное нарушение прав рабочих не могли не вызвать реакции со стороны наиболее смелых членов трудовых коллективов. Поскольку старые профсоюзы не вникают в суть происходящих процессов (а происходит подспудная, неафишируемая приватизация администраторской элиты наиболее доходных сегментов производства), не защищали и не защищают законных прав людей, то на этих же производствах рабочие создавали свои, новые, независимые профсоюзы. Жизнь востребовала лидеров, способных противостоять административному нажиму и

выдерживать изнурительную процедуру отставания прав членов профсоюза и прав самого профсоюза в судах. Особенно показателен в этом отношении пример с Независимым профсоюзом Луганского станкостроительного завода, объединившего небольшую группу в пределах 40 человек из нескольких тысяч работающих, но выступавшего, несмотря на незаконное увольнение всего состава выборного органа независимого профсоюза и на ухудшение законодательства в отношении новых профсоюзов.

Массовость выступлений трудящихся, овладение независимыми профсоюзами способами отстаивания своих организаций и рабочих с помощью правозащитных и юридических методов, выход профсоюзов на контакты с депутатами, органами государственной, исполнительной власти побудили работодателей к диалогу с профсоюзами. Все чаще вопросы решаются без обращения к акциям протеста. Однако профсоюзы сталкиваются с тем, что сложным стало решать вопросы защиты прав трудящихся в условиях действия новых законов или их новых редакций. К таким относятся уже упоминавшийся Закон о профсоюзах, Закон «О коллективных трудовых спорах (конфликтах)», новая редакция КЗоТ. Безрезультатным оказалось введение НСПП, работники которой рассматривают себя как госслужащие. Обстоятельства подталкивают профсоюзы к овладению дополнительно политическим инструментарием отстаивания прав рабочих. В первую очередь, эта задача касается крупных профсоюзных объединений. Однако внутренним потенциалом для решения столь сложной задачи ни новые, ни старые профсоюзы не обладают. Более того, 2001 г. явился кризисным в том плане, что в одном из крупнейших профсоюзов – НПУГ – усилилась централизация власти в результате принятия нового Устава, что вызвало ослабление демократических начал его деятельности и трения в профсоюзе.

2.4. ПРОФСОЮЗЫ И ПОЛИТИКА

Естественным для профсоюзов стало обращение к политикам и политике. Если «традиционные» профсоюзы постоянно были представлены в лице своих руководителей в органах представительной власти на всех уровнях, то новые профсоюзы только начали бороться за свое представительство в советах.

Однако своего политического лица и своей политической доктрины они не имеют, поскольку ими еще не определена собственная профсоюзная стратегия. Следовательно, нет и политической

стратегии, являющейся высшим индикатором осознания своих интересов и степени зрелости представляемого общественного института.

Отсутствие стратегии проявилось в период выборов 1998 г., когда свободные профсоюзы поддерживали различные политические силы, а «традиционные» профсоюзы, в отличие от своей постоянной практики, не выступили на выборах единым блоком. Тогда 9 профсоюзов, относящихся к отраслям оборонной промышленности, вопреки решению Федерации профсоюзов Украины, выдвинули на выборах кандидатуры и поддержали политические силы по своему усмотрению. Независимые профсоюзы на уровне Конфедерации свободных профсоюзов Украины, других всеукраинских объединений, отдельных профсоюзных организаций и даже внутри них оказались политически разобщенными и раздроблены между различными политическими силами, поддерживали часто кандидатов-антагонистов. На президентских выборах 1999 г. поддерживали разных кандидатов в президенты.

Еще более заметным стало отсутствие стратегии в 2002 г., когда руководители всех уровней принимали самое активное участие в выборах в Верховную Раду и в местные советы. Рядовые члены профсоюзов не приняли ожидаемого активного участия в выборах и не поддержали своих лидеров. Сами профсоюзные лидеры рассеяли голоса между партиями противоположного толка: КПУ, БЮТи, СДПУ (о), «Наша Украина», «За Единую Украину» и т. д. Ни одна профсоюзная организация, кроме НПУГ шахты имени Н.П.Баракова в г. Краснодоне, не стала самостоятельным субъектом избирательной кампании. Успех НПУГ шахты имени Н.П.Баракова на выборах (в 1998 г. и 2002 г.) был обусловлен тем, что кандидаты в депутаты местных советов были выдвинуты сугубо от своей профсоюзной организации, а программа их была построена на общечеловеческих ценностях, защита которых ставилась во главу угла постоянной деятельности этого НПУГ. Избиратели знали, что, голосуя за данных кандидатов, они голосуют за то, чтобы этот НПУГ представлял их интересы в городском совете. В итоге от этой одной профсоюзной организации в 2002 г. в городской совет было избрано 9 депутатов, в областной совет повторно избран ее председатель Д.Калитвенцев.

В Верховную Раду Украины в составе различных блоков и партий были избраны лидеры «традиционных» профсоюзов А.Стоян, В.Хара и др. В составе списка Блока Юлии Тимошенко прошел в Верховную Раду председатель Конфедерации свободных профсоюзов Украины М.Вольнец.

3. АНАЛИЗ И ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОФСОЮЗНОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ

3.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Состояние профсоюзного и рабочего движения только тогда будет оценено объективно, когда будут соблюдены некоторые общепризнанные методологические подходы к их оценке, а именно.

Первое. Профсоюзное и рабочее движение нельзя противопоставлять друг другу. Они едины. Профсоюзное движение – институционализированная составная часть более широкого рабочего движения. В отличие от эпизодических и часто спонтанных акций рабочего движения, являющихся основной (но не единственной!) формой его существования, инструментарий и способы решения практически тех же самых задач профсоюзами рассчитаны на длительную, стабильную деятельность в очерченных законами и иными нормативными актами границах. На высоте противостояния наемных работников и работодателей усилия профсоюзов, их организаций часто сопровождаются самостоятельными акциями рабочих, не подпадающими под порядок процедур, предписанных профсоюзам. В особо острых случаях стихийные акции рабочих происходят без участия профсоюзов, хотя часто затем попадают под контроль последних и направляются ими.

Второе. Согласно отечественному законодательству, и новому, и прошлого периода, профсоюзы осуществляют представительство и защиту трудовых и социально-экономических прав и интересов членов профсоюза как объединения граждан, связанных общими интересами по роду их профессиональной (трудовой) деятельности.

Именно такая миссия профсоюзов отражена в законодательстве, и ничего нового, что бы могло изменить ее за все более чем 100 лет существования профсоюзов, не произошло. Эта миссия, как единство целей и функций профсоюзов, и определяет так называемое поле профсоюзной деятельности, то есть ту часть социальных и, прежде всего, трудовых отношений, которые регулируются с помощью профсоюзов.

Данное пояснение необходимо для того, чтобы не впасть в ошибку, проникшую в новейшие публикации по проблемам профсоюзного движения (1, 2). Некоторые исследователи исходят из той ложной предпосылки, что изменилось само содержание деятельности профсоюзов. И что появление новых задач приводит к появлению новых разновидностей профсоюзов. Это объяснение слишком

поверхностно, а потому не сможет ни вскрыть факторов развития профсоюзного движения, ни указать на эффективные пути его развития.

Мы исходим из того, что изменяющиеся социально-экономические (и политические) условия лишь актуализируют то одни, то другие группы задач профсоюзов. Профсоюзы должны вовремя увидеть эти задачи и направить свою деятельность на их разрешение.

В конечном итоге, решение этих проблем следует искать прежде всего в качестве самих профсоюзов, в их способности «воздвечь» различные участки «поля профсоюзной деятельности», востребованные самой жизнью.

3.2. ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФСОЮЗОВ

Что можно сказать о качестве современных профсоюзов? О качестве, как известно, можно судить по трем группам критериев:

- 1 – результат деятельности (результативный подход);
- 2 – процесс деятельности (процессуальный подход);
- 3 – наличие необходимых компонентов в системе, обеспечивающих конечный результат на выходе (структурный подход).

Оценим состояние профсоюзов и профсоюзного движения по этим трем уровням, т. е. заглядывая на различную глубину. Результативный уровень. Результат деятельности профсоюзов Украины не соответствует требуемому. Трудовые, социально-экономические права наемных работников не защищены, интересы их на уровнях государства, отраслей, регионов, производств хотя бы по минимуму не представлены. Об этом свидетельствуют безработица, задолженность по зарплате и прочим выплатам, массовые нарушения охраны труда и техники безопасности, не повышение тарифов оплаты труда, останковка и разорение предприятий, растаскивание кланами государственной собственности.

Более того, изменения в законах, в той или иной мере регулирующие отношения между наемными работниками и работодателями, снизили уровень трудовых и социальных гарантий и льгот лицам наемного труда, ухудшили степень защищенности их трудовых, социально-экономических прав. Профсоюзы реально ничего не противопоставили этому. Усилия противостоять были, в основном, со стороны самих рабочих и образованных ими новых профсоюзов, в форме активных акций протеста. Мы можем лишь отметить локальное реальное улучшение положения (подтверждаемое данными как

экономического роста на предприятиях, так и социологического опроса населения) на протяжении последних двух лет, например, в Краснодоне. Сами горняки считают это улучшение результатом успешной деятельности Независимого профсоюза горняков шахты имени Н.П.Баракова и его депутатской группы в городском Совете. Эта часть – модель того, что профсоюзы могли бы сделать в целом по стране. Однако повсеместное отсутствие положительных результатов деятельности профсоюзов заставляет думать или об их кризисе, или об отсутствии критической массы полнокровно действующих профсоюзов. Ответ следует искать на более глубоком уровне.

Процессуальный уровень. Свою деятельность профсоюзы строят по-разному. В разделе 2 мы уже отметили высокую активность тех профсоюзов, которые возникли на протяжении последних 10–12 лет. Они сосредоточили свои усилия на защите трудовых и социально-экономических прав, выступая с требованиями погашения задолженностей или повышения зарплаты, улучшения охраны труда, сохранения и развития производства и т. п. Вместе с тем, крайне недостаточную активность проявили на этом участке «профсоюзного поля деятельности» профсоюзы, продолжающие свое существование еще со времен советского периода. «Традиционные» профсоюзы продолжали свою обыденную деятельность, главным образом в распределительной, социально-оздоровительной, культурно-массовой сфере, хотя и в меньшем объеме, чем прежде. К акциям подключались настолько вынужденно, что это выглядело как нахождение по одну сторону баррикад вместе с администрацией (работодателем) против рабочих с другой стороны.

Тем не менее именно эти, старые профсоюзы переняли от новых такой механизм защиты трудовых прав, как согласование и подписание отраслевых и Генерального тарифных соглашений, отеснив при этом новые профсоюзы. Фактический отказ новым профсоюзам в праве участия в ведении коллективных переговоров и подписании колдоговоров и соглашений был закреплен Законом о профсоюзах в редакции от 15.09.1999 г., что позже стало предметом рассмотрения Конституционным Судом Украины.

Практически не подключились профсоюзы всех видов в период разгосударствления и приватизации собственности к представительству интересов членов трудовых коллективов в этих важных процессах, к защите и реализации прав трудящихся на свою долю собственности, что предусмотрено ст. 25 Закона «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности» и гарантированы

ст. 41 Конституции Украины. Интерес к защите прав рабочих на собственность проявили единичные новые профсоюзы (НПГ шахты имени Н.П.Баракова, Независимый профсоюз работников оборонной промышленности Луганского станкостроительного завода и др.).

Различия между профсоюзами определялись не только активностью и приоритетностью решаемых задач, но и методами решения их, что отражено в разделе 2. Здесь же мы дадим лишь оценку их.

Методы решения задач «традиционными» профсоюзами просты: традиционные собрания, конференции, пленумы, президиумы, комиссии, временами хорошо организованные митинги с предварительной записью ораторов, а на выходе – постановления, резолюции, предписания и т. п. (Иными словами, иерархизированные, застывшие формы, недоступные для живого творчества масс, активно отстаивающих свои интересы.)

Новые профсоюзы возникли в стихии рабочего движения, и их инструментарий и методы быстро изменялись: митинги, стачки, забастовки с перспективами нанесения экономического ущерба собственнику, резолюции с непосредственными требованиями широких масс рабочих, динамичные переговоры, конкретные договоренности и соглашения, апеллирование к общественности, прямые контакты с законодателями, с представителями органов исполнительной власти, наконец, обращения в суд. Эти формы и методы оказались намного более эффективны в современной обстановке.

На сколько самостоятельно действовали рабочие и их новые профсоюзы? Как свидетельствует многолетняя практика, «традиционные» профсоюзы никогда не становились в оппозицию к администрации, несмотря на то, что обстановка требовала реальной, а не декларируемой защиты интересов и прав наемных работников. На этом фоне, казалось бы, новые профсоюзы действуют совершенно самостоятельно, не подчиняясь администрации. Однако это не всегда так, и при более детальном рассмотрении событий вырисовываются некоторые особенности, которые мы должны учесть, давая объективную характеристику развитию рабочего и профсоюзного движения. Так, первые массовые и поразительно одновременные выступления рабочих, а именно, шахтеров летом 1989 г., проводились под патронатом директоров предприятий и генеральных директоров, руководителей страны, которые постарались извлечь из назревавшего рабочего движения определенные выгоды для политической поддержки своего курса, для укрепления своих позиций собственников, для извлечения выгод – корпоративных, групповых, личных. Но когда стачки, забастовки постепенно превратились в профкомы новых

профсоюзных организаций, то активизация рабочего и профсоюзного движения стала синхронной ухудшению положения в стране и включила новые способы борьбы. Профсоюзы почувствовали свою силу, брали ситуацию в свои руки. Положение в стране на протяжении 1994–1999 гг. ухудшалось и нарастали задолженности по зарплате, что вызвало высокую активность широких народных масс – рабочих, пенсионеров, общественных организаций, трудовых коллективов. Если в период 1989–1993 гг. рабочие брали основную часть предприятий и «выключением рубильника», то на протяжении 1994–1999 гг. они брали массовостью и даже нанесением экономического ущерба работодателям, появившимся к тому времени многочисленным коммерческим структурам-посредникам. Например, забастовки в угольной промышленности сопровождались не только остановкой подземных работ, но и прекращением отгрузки угля и его транспортировки. Наиболее показательным в этом отношении был 1996 г., когда практиковались массовые перекрытия подъездных железнодорожных путей к предприятиям, в результате чего коммерческие структуры начинали терпеть убытки. Забастовки становились все более затяжными, переговоры все более трудными. Настроенность на соглашения у администрации появлялась только тогда, когда запас прочности исчезал и предприятие или объединение начинало терпеть убытки. Так, при забастовке в Краснодоне в 1996 г. объединение (ныне холдинговая компания) начало терпеть убытки лишь к концу второго месяца забастовки, что стимулировало ускорение развязки именно в эти сроки.

Не вызывает сомнения, что самостоятельность новых профсоюзов, массовость акций протеста и нанесение явных убытков работодателям послужили причинами организаций показательных судебных расправ над лидерами шахтерских забастовок с целью устрашения рабочих и их профсоюзов. Постепенно администрация, властные, силовые структуры накапливали опыт борьбы с профсоюзами, с их активом. Несостоятельность хозяйственников стала прикрываться прокуратурой, судами, силовиками. Великий пикет в Луганске показал границы, за которые заходить нельзя, открыл путь к диалогу с участниками последующих акций протеста, количество которых резко возросло. И лишь некоторая стабилизация экономического положения (кажется, временная) снизила накал противостояния.

Но, по большому счету, проблем наемных работников никто не решал и не решает. Отражением этого явилось произошедшее на протяжении последних 5 лет ухудшение законодательства: КЗоТ, Закон «О коллективных трудовых спорах (конфликтах)», Закон о проф-

союзах – снизили уровень трудовых и социальных гарантий и возможности отстаивать права и интересы наемных работников. Вообще бесправными оказались представители малого бизнеса, предприниматели. Ни одно из профсоюзных объединений не смогло защитить права своих членов профсоюза на законодательном уровне. Политики, в том числе депутаты-лидеры профсоюзных объединений, не заняли принципиальной и стойкой позиции и не мобилизовали широчайшие профсоюзные массы на поддержку своей линии в парламенте. Думаем, что у них нет еще идеи, способной объединить людей на такую всеобщую поддержку, а также нет соответствующих лидеров, нет системы информирования и широкого просвещения людей в этих направлениях. Это побудило и побуждает профсоюзные организации на местах к самостоятельным контактам с законодателями, депутатами, к участию их в избирательных кампаниях, примыкая к политическим партиям и блокам или выступая самостоятельно в качестве субъектов избирательной кампании. Итак, рабочее и профсоюзное движение нарабатало способы, тактику (но не стратегию) защиты своих прав, научились вести диалог с работодателями. Но к глубинным изменениям в экономической и социальной жизни страны это не привело: необходимо достижение приоритетности прав человека в экономической жизни страны (социально ориентированная экономика), что требует могучего, массового профсоюзного движения, ориентированного на стратегию построения правового государства. Но последнее, как известно, вырастает на базе гражданского общества. Необходимо просмотреть более глубоко уровень профсоюзного движения. Какова профсоюзная составляющая гражданского общества?

Структурный уровень. Содержание и результаты деятельности профсоюзов во многом определяются особенностями их профессионального и персонального состава, а также тем местом в жизни предприятия и его трудового коллектива и государства, которые определяет сам для себя профсоюз. Членами профсоюзов, вновь организованных на протяжении последних 10–12 лет, могли быть только работники наемного труда, а не начальствующий состав (от уровня того, «кто дает наряд», и выше). В «традиционных» профсоюзах ценз по принадлежности или непринадлежности к рабочей сети не вводился, в силу чего «традиционные» профсоюзы так и не идентифицировали себя как выразителей интересов исключительно работников наемного труда, ориентируясь на категорию «трудящихся», несмотря на то, что теперь вместо одного собственника – государства появилась масса собственников, а сама собственность

включена в различные отношения – управление, распоряжение пользование, владение. Не учитывая этого, отстаивая права наемных работников на всех уровнях, современные профсоюзы просто не имеют права.

Отсюда есть потребность в различных профсоюзах, даже на одном и том же производстве. Но пока дело дальше учреждения отдельного от независимых профсоюзов горняков профсоюзом работников ИТР не пошло. По инерции мышления, руководству предприятий трудно привыкнуть к тому, что профсоюзов на одном предприятии может быть несколько, поскольку каждый профсоюз объединяет работников близких уровней и интересов. Эта косность мышления создает дополнительные препятствия на пути возникновения и деятельности новых профсоюзов.

Рабочее и профсоюзное движение выдвинуло новых лидеров, которые возглавляли акции, профсоюзные организации, действовали новыми методами, ориентировались не на личное благополучие, а на общественные интересы, проявляя при этом личное мужество и испытывая многие неудобства в жизни и деятельности. Быстрая динамика процесса движения и актуализация новых задач содействовали наработке опыта, формированию актива, смене лидеров, отсеиванию части из них, упрочению положения тех, кто соответствовал всему многообразию стоящих перед профсоюзами задач. Большую роль в становлении профсоюзов и подготовке лидеров сыграло обучение профсоюзного актива, поддержанное различными благотворительными международными фондами, международными профсоюзными организациями. Полагаем, что со временем эта помощь будет отмечена и оценена по достоинству. Что касается «традиционных» профсоюзов, то руководящие кадры в них менялись крайне медленно, а возглавлялись они, как правило, ставленниками прежней компартиноклатуры, которые занимают свои посты более 10–15 лет.

Закостенелость «традиционных» профсоюзов вызывает в них внутреннюю оппозицию, результатом чего является нарастание выхода из этих профсоюзов отдельных членов и даже членских организаций, которые на сегодня приблизились к учреждению собственных объединений, отстоящих от некогда единой ФПУ.

Обозначим также лишь проблему профсоюзов предпринимателей. Возникли они в период бурного становления отечественного бизнеса – конце 80-х – начале 90-х годов XX века. Причины – необходимость выживания, а также защиты своих интересов в период появления конкуренции и давления постсоветской администрации, быстро появившихся монопольных группировок, крими-

нальных элементов. Наиболее крупные объединения смогли за-крепиться и в легкая трансформированном виде вписаться в общую систему профсоюзов. Профсоюзы предпринимателей являются по существу своему ассоциациями работодателей, поскольку предприниматели используют наемный труд (например, реализаторов на рынках), но наемные работники в указанные профсоюзы или не входят, или их интересы не представлены: время их собственных профсоюзов не пришло. В настоящий момент, в связи с включением средств соцстраха в бюджет, профсоюзы предпринимателей ослаблены. Но они имеют бесценный опыт работы с частными бизнесовыми структурами.

Итак, профсоюзное движение представлено четырьмя группами объединений:

- 1 – авангард – новые, независимые профсоюзы и их ассоциации;
- 2 – резерв – модернизирующиеся профсоюзные организации, дистанцирующиеся ОТФПУ;
- 3 – ассоциации предпринимателей, представителей малого бизнеса;
- 4 – старые профсоюзы, объединенные в ФПУ.

Количественное соотношение, без сомнения, в пользу ФПУ, до сих пор включающей в себя до 20 млн. членов профсоюза. Все остальные профсоюзы и им подобные ассоциации, по нашим данным, охватывают до 4 млн. человек. В эпоху быстрых изменений и трансформаций сохранение ФПУ и ее численности свидетельствует о том, что ФПУ удовлетворяет потребности работодателей, бизнесовых структур, администраций всех уровней, т. е. тех, кто по своей природе не защищает интересы наемных работников.

В настоящее время назрела необходимость поиска новых ориентиров для профсоюзов всех четырех групп.

Перед новыми профсоюзами стоит задача укрепления, наращивания мощности, увеличения количества профсоюзов и членов в них до создания той критической массы, которая сможет влиять на улучшение социально-экономического положения в стране, регионе, отрасли, на предприятии.

Перед модернизирующимися профсоюзами стоит задача изменения методов работы, укрепления своей независимости, завоевание доверия членов профсоюза.

Перед ассоциациями представителей малого бизнеса стоит задача сплочения организаций, так как только это может обеспечить эффективность их действий.

Перед «традиционными» профсоюзами стоит задача глубокой трансформации, что невозможно без смены руководящего состава.

Перед обществом стоит задача защиты трудовых, социально-экономических прав наемных работников в частном секторе экономики, куда ни рабочее движение, ни профсоюзы еще не дошли.

ВЫВОДЫ

1. Рабочее и профсоюзное движение в Украине в настоящий момент переживает кризис.

Если в 1989–1993 гг. движение влияло на социальную и политическую ситуацию в стране, то к 2002 г. профсоюзы постепенно утратили силу, не определив своих стратегических целей и задач.

2. Общей проблемой всех профсоюзов на сегодня является отсутствие собственной профсоюзной стратегии.

3. В Украине снизился уровень защиты социально-экономических и трудовых прав наемных работников. Причинами этому послужили:

– усиление административного давления (вплоть до силового) на свободные профсоюзы и рабочие организации;

– внутренняя разобщенность независимых профсоюзов. Организации либо самоизолировались, либо раздробили свой актив между различными политическими силами, что привело профсоюзы на выборах 2002 г. к фактическому поражению. Профсоюзы нуждаются в общей идее, которая объединила бы их на решение общих задач;

– снижение внутреннего потенциала профсоюзного движения ввиду опоры в деятельности профсоюзов на аппарат, а не на работу в массах и ввиду направленности усилий профсоюзов на сохранение аппарата;

– разрушение системы социальных гарантий и льгот, ухудшение законодательства.

4. Без внимания профсоюзов оказались вопросы представления интересов и защиты социально-экономических, трудовых прав членов трудовых коллективов в ходе реформирования собственности в промышленности.

5. Реальной силой, способной изменить политическую, а вместе с ней социальную и экономическую ситуацию, привести ее в соответствие с конституционными нормами, является рабочий класс, объединенный профсоюзным и рабочим движением. Опыт периода 1997–2002 гг. показывает, что авангардные, интеллектуально обога-

щенные организации добиваются побед, и перенесение их практики на движение в целом привело бы к стратегическим победам.

6. Стратегические ориентиры рабочего и профсоюзного движения следующие:

– разработка собственной стратегии, определение объединительной и мобилизующей идеи, способной привести к качественному скачку в профсоюзном движении;

– выражение стратегии в конкретных программах, широкая информация о них населения и обеспечения с его стороны поддержки;

– решение следующих задач: возратить профсоюзам право законодательной инициативы, усилить функции контроля за исполнением закона на производстве, новым профсоюзам обрести право участия в распределении средств социального страхования;

– обеспечение широкого представительства и защиты интересов в органах власти и местного самоуправления;

– отказ от практики самоизоляции профсоюзных и рабочих организаций, интеллектуализации их деятельности, привлечение той части интеллектуальной элиты общества, которая готова сотрудничать с профсоюзами, но до сих пор не востребована ими.

Использованная литература

1. Бизюков П.В. Альтернативные профсоюзы на пути освоения социального пространства. – Жур. СОЦИС. – 2001. – № 5. – С. 30-40.

2. Профсоюзы Луганщины: очерки истории // Мельников В.С., Гайдук М.Д., Бурля А.М. и др. Ред. Чепурнов А.В. – Луганск, 2001. – 232 с.

Суспільно-політичне видання

**ЧИКАГО –1886, НОВОЧЕРКАСЬК –1962,
ЛУГАНСЬК – 1998**

**Драматичні сторінки історії
робітничого руху**

(російською мовою)

Упорядники *Заливна Л., Морозов С.*

Технічний редактор *Бондаренко О.*

Коректор *Бахмацька О.*

Підл. до друку 7.08.2002 р. Формат 60х84/16.

Папір офс. Друк офс. Гарнітура BookUkr.

Ум. друк. арк. 8,0. Об.-вид. арк. 8,5.

Наклад 500 прим. Замовл. № 105

Видавництво «Стилос».

04070, Київ-70, Контрактова пл., 7.

Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 150 від 16.08.2000 р.)

Надруковано ТОВ «Поліграфічний центр «Фоліант».

04176, Київ-76, вул. Електриків, 26.

Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 149 від 16.08.2000 р.)